

The poster features a man and a woman in silhouette, facing each other in a close embrace. In the center, a glowing blue brain is depicted with intricate neural pathways and bright light points. The background is a dark, futuristic cityscape at night, with various elements like laboratory glassware on the left and a city skyline on the right. The overall aesthetic is high-tech and mysterious, with a blue and black color palette.

ПРОТОКОЛ
ЧУЖАЯ
ЛИЧНОСТЬ

СТЕЙСИ НИКОЛЕЙН

18+

Стейси Николейн

Протокол: Чужая личность

«Автор»

2026

Николейн С.

Протокол: Чужая личность / С. Николейн — «Автор», 2026

Эмма начинает замечать вещи, которые невозможно объяснить логикой или совпадениями. Реальность вокруг постепенно теряет устойчивость, будто за привычной жизнью скрывается второй слой, о существовании которого ей раньше не позволяли задуматься. Сначала это кажется совпадением. Потом - системой. Когда Эмма находит доказательства, всё меняется. Личность больше не принадлежит человеку. Её можно сохранить, переписать и перенести в другое тело. Итан знает правду, но не может её сказать. Артур контролирует больше, чем должен. Лили и Сара оказываются частью событий, смысл которых становится всё опаснее с каждым шагом. А за всем этим стоит идея, в которой смерть - всего лишь ошибка. Эмма больше не просто наблюдатель. Она становится частью процесса, из которого невозможно выйти прежней. И теперь вопрос только один: если личность можно заменить - кто ты на самом деле?

© Николейн С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	11
Глава 4.	14
Глава 5.	16
Глава 6.	18
Глава 7.	20
Глава 8.	22
Глава 9.	25
Глава 10.	28
Глава 11.	32
Глава 12.	38
Глава 13.	44
Глава 14.	51
Глава 15.	54
Глава 16.	61
Глава 17.	66
Глава 18.	71
Глава 19.	77
Глава 20.	82
Глава 21.	86
Глава 22.	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Протокол: Чужая личность

Глава 1.

В маленьких городах ночь приходит раньше, чем ждёшь.

Нет, солнце не садится там быстрее — это город после десяти часов замирает в оцепенении. Витрины гаснут одна за другой, фонари остаются единственным светом, а люди расходятся по домам, как по привычному сценарию. Только ветер иногда шуршит по пустым тротуарам.

Эмма устроилась на широком подоконнике, вяло прокручивая ленту и думая о чём-то своём. Она поджала ноги, закутавшись в мягкий, чуть потрёпанный плед с выцветшим геометрическим узором — тот самый, что всегда лежал на кресле в её комнате и пах домом. Экран отбрасывал на лицо холодный голубой свет, от которого глаза слипались ещё сильнее. Из колонки тихо звучала спокойная музыка — убаюкивающая, с тягучими аккордами и редкими, протяжными нотами.

Её волосы были небрежно собраны на макушке — несколько прядей уже выбились из пучка и мягко касались щёк, а одна, особенно упрямая, то и дело падала на глаза. Эмма не замечала этого, полностью погружённая в свои мысли и монотонное движение пальцев по экрану.

За окном был привычный вид: редкие фонари, тёмные крыши домов и, дальше, за чёрными силуэтами деревьев — старая лаборатория.

Она стояла там столько, сколько Эмма себя помнила. Огромное серое здание с выбитыми окнами и покосившимся забором, к которому давно никто не подходил. Местные подростки иногда забирались внутрь — ради видео, споров или просто адреналина. Говорили, что в подвалах лаборатории «N.C.I.»¹ ещё можно найти старые приборы и записи, а кто-то уверял, что по ночам там слышны шаги.

Эмму туда не тянуло. В отличие от тех, кто искал острые ощущения и дешёвый адреналин, ей это место не казалось привлекательным. Заброшенные коридоры, сырость, битое стекло — всё это скорее отталкивало, чем вызывало любопытство.

Всё же был ещё один слой — внутреннее напряжение, которое она не любила признавать. Иногда ей снилось это здание: холодный воздух, бесконечные переходы, ощущение чужого присутствия за спиной. Во сне она шла вперёд, не понимая куда, а под ногами хрустело битое стекло. Она никогда не доходила до конца коридора — всегда просыпалась раньше.

После таких снов оставалось неприятное чувство, поэтому она держалась в стороне. Наблюдала издали, не задавая лишних вопросов и не делая шагов туда, куда не нужно. И всё же что-то внутри тянуло её туда.

Эмма уже потянулась к шторам, чтобы их задернуть и отгородиться от ночной тишины, как вдруг замерла.

В одном из окон лаборатории загорелся свет.

Это был не тусклый блик от уличного фонаря и не игра уставшего воображения. Это было тёплое свечение, точно где-то в глубине здания только что щёлкнули выключателем. Из той его части, куда, говорят, попасть нельзя.

Сердце Эммы пропустило удар.

— Странно... — прошептала она, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

¹ Полное название: NeuroCore Cognitive Institute (нейронауки, контроль сознания).

Эмма уже подняла телефон, чтобы поймать в объектив сияние одинокого окна. Она навела фокус, и в этот самый миг свет внутри погас, словно кто-то резко оборвал нить. Экран на мгновение потемнел, и от огонька остался лишь тёмный прямоугольник в сером фасаде.

Эмма сжала телефон крепче, не сводя глаз с окна. В маленьком городе всё всегда на виду: кто с кем поссорился, кто уехал, кто вернулся. Но свет в заброшенной лаборатории нарушал главное правило этого места: там давно ничего не должно было происходить.

Глава 2.

Утро в университете шло как обычно.

Шум, смех, хлопанье шкафчиков, резкий запах кофе из автомата и чья-то музыка, которая пробивалась из наушников наружу, смешиваясь с общим гулом. Всё это сливалось в привычный фон, за которым так легко спрятаться от собственных мыслей.

Эмма стояла у своего шкафчика, пытаясь захлопнуть дверцу.

— Ну давай же... — пробормотала она, когда металл скрипнул, но не поддался.

— Он всегда заедает, — раздался голос с лёгкой хрипотцой.

Она не обернулась сразу. Лишь крепче сжала ручку, продолжая борьбу с упрямым металлом.

— Тогда почини его, — бросила она, не оборачиваясь.

Вместо ответа тёплые, уверенные руки легли ей на талию, и через секунду он поцеловал её в щёку, но от этого прикосновения по коже пробежали мурашки.

Эмма улыбнулась, наконец сдавшись и отпустив дверцу.

— Ты всегда так появляешься?

— Только когда хочу, чтобы меня запомнили, — его голос был полон самодовольства, но в нём не было ни капли злобы.

Она повернулась к нему, встречая взгляд тёмных глаз.

В них плясали искорки смеха.

— Ты уже запомнился.

— Это хорошо или плохо, как думаешь?

— Пока не решила.

Он усмехнулся, но на секунду задержал на ней взгляд, который пытался прочесть что-то, спрятанное глубоко внутри. Его звали Итан Блэквелл.

Итан был из тех парней, которых в университете замечают сразу — даже если очень стараются не смотреть в его сторону. Высокий, спортивный, он двигался с ленивой, хищной грацией, но не прикладывал к этому никаких усилий.

Тёмные, чуть выющиеся волосы постоянно падали на лоб, и он по привычке откидывал их рукой, когда думал или шутил. В нём не было выверенной «идеальности» — скорее спокойная уверенность, которая чувствовалась даже в шумном коридоре. Он умел вовремя замолчать, и это чаще всего сбивало с толку, но одновременно раздражало и цепляло.

Но между ними было нечто большее, чем обычная симпатия или университетская история. Они родились в один день, в одном роддоме на окраине Джонс—Крика, штат Джорджия. Их матери познакомились там же в палате, среди бессонных ночей и первых тревог материнства.

Так началась дружба семей, и Эмма с Итаном росли рядом.

Поэтому сейчас, глядя на него, Эмма видела в нём не просто парня. Он был близкой частью её прошлого, чтобы воспринимать его как кого-то нового. И от этого всё между ними становилось одновременно проще и куда сложнее.

— У тебя синяки под глазами, не спала? — сказал он, и его взгляд стал мягче.

— Просто устала, — с лёгкой улыбкой произнесла Эмма.

— Я заеду за тобой после пар, — его голос был без вопросительной интонации.

— Посмотрим, — бросила она. В этом слове было больше вызова, чем согласия.

Он хмыкнул.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что ты всегда забываешь.

Он не отвёл глаз. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Не сегодня, — ответил он так же твёрдо.

Он наклонился и легко поцеловал её в висок, жест был таким естественным и привычным одновременно. Затем развернулся и ушёл, растворившись в толпе студентов.

Эмма молча смотрела ему вслед.

— О-о-о, романтика на максималках!

Она вздрогнула и резко обернулась.

Рядом стояли Сара и Лили.

Сара Уайлдер всегда держалась так, будто занимала в мире чуть больше места, чем остальные. Высокая, с быстрыми, живыми движениями, она улыбалась раньше, чем успевала заговорить. Тёмные прямые волосы едва касались плеч, и Сара привычным резким движением заправляла их за ухо, хотя непослушные пряди тут же выбивались обратно. В ней чувствовалась естественная уверенность, почти врождённая привычка быть собой и не уступать пространство.

Лили Уитмор двигалась иначе. Тише, мягче, словно подчиняясь собственному внутреннему ритму. Невысокая, с тонкими чертами лица и светлыми волосами цвета спелой пшеницы, собранными в небрежный пучок, она передвигалась почти бесшумно — с осторожностью человека, привыкшего ничего не задевать и не нарушать чужого порядка. Но за этой деликатностью скрывалась цепкая внимательность: Лили замечала детали, которые остальные пропускали, и нередко понимала происходящее раньше, чем кто-либо успевал это озвучить.

— Вы подкрадываетесь хуже, чем он, — сказала Эмма с улыбкой.

— Неправда! Мы лучше! — тут же возразила Сара с наигранным возмущением.

Лили лишь мягко улыбнулась уголками губ.

— Он тебе нравится! — безапелляционно заявила Сара тоном прокурора.

— Только не начинай. Я ещё не совсем уверена, что он — именно мой человек. Просто он мой первый друг, а от этого ещё сложнее всё понять.

— Уже начали! — вмешалась Лили своим тихим голосом.

Они пошли по коридору вместе, лавируя между потоками студентов.

— У нас есть тема поважнее! — объявила Сара. — Мой день рождения!

— Он через четыре дня! — напомнила Эмма.

— Через три с половиной! Если быть точной! — поправила её Сара с азартом.

— Ты считаешь часы? — с едва заметной усмешкой спросила Лили.

— Конечно! — фыркнула Сара.

Она говорила легко, но в её голосе всё равно слышалась странная нотка — она пыталась удержать этот момент в ладонях, как песок.

— Я хочу, чтобы это был самый лучший день. Понимаете? Такой, чтобы всё было идеально. Я хочу провести его так, чтобы все были в шоке, и мы запомнили его на всю жизнь!

— Так и будет! — мягко сказала Лили.

— Обещаете?

— Обещаем! — ответила Эмма за обеих и ободряюще сжала руку подруги. Сара улыбнулась в ответ, но на секунду отвела взгляд куда-то в сторону окна.

Её улыбка померкла на мгновение.

— Странно — сказала она вдруг тихо.

— У меня сегодня такое ощущение...

— Хорошее или плохое? — тут же насторожилась Лили.

Сара пожала плечами:

— Не знаю... Просто... как перед грозой. Воздух какой-то тяжёлый.

Эмма замерла на месте. По спине пробежал неприятный холодок предчувствия.

— Не говори так — попросила она почти шёпотом.

— Почему?

— Просто не говори так!

Они свернули за угол и замолчали, сами не зная почему. По коридору шёл профессор физики — Артур Вейл.

Он двигался спокойно и уверенно, с холодной собранностью человека, привыкшего контролировать происходящее — как хирург или военный на задании. Высокий рост и широкие плечи делали его фигуру заметной даже под свободной рубашкой.

Тёмные волосы были слегка растрёпаны на макушке, но не выглядели случайностью — скорее частью образа, в котором позволено немного свободы. Лёгкая щетина подчёркивала резкие линии лица.

Взгляд был внимательным, собранным. В нём ощущалась наблюдательность человека, который привык замечать детали и не показывать этого. Он не повышал голос, в этом не было необходимости. Его молчание само задавало дистанцию.

Он прошёл мимо них троих так близко, что можно было почувствовать его парфюм — сдержанный, холодный запах с цитрусовой горечью. Он не выбивался из общей картины — и всё же казалось, будто университет существует вокруг него, а не наоборот.

Запах не был навязчивым, но задерживался в памяти. Как граница, которую не стоит пересекать без необходимости.

Он прошёл мимо.

И на секунду, всего на одну, его взгляд задержался на них троих, но смотрел он только на Эмму.

Взгляд был холодным и точным для случайной встречи.

На мгновение ей стало не по себе — так, словно его взгляд задержался не на её лице, а на чём-то глубже, куда она сама старалась не заглядывать.

Она резко отвела глаза и уставилась в пол. Шея неприятно напряглась, сердце сбилось и ушло куда-то вверх, мешая вдоху.

И в этом смешалось всё сразу — напряжение, и странное, раздражающее ощущение, которое она не хотела называть даже мысленно.

Он прошёл.

— Вы это видели? — прошептала она.

— Что? — спросила Лили.

— Ничего, — быстро сказала Эмма.

Но внутри стало холодно.

Позже во дворе стало спокойнее. Солнце медленно ползло по небу, тёплый ветер шевелил волосы и приносил с соседних лавочек обрывки смеха. Воздух пах скошенной травой и чем-то сладким, возможно, кто-то из студентов принёс выпечку из пекарни рядом.

Сара лежала на пледе, положив голову на колени Лили, и смотрела в небо. Лили рассеянно перебирала её тёмные пряди. Со стороны они выглядели идеально спокойно — как случайный кадр из чьей-то тихой, обычной жизни.

— Если однажды меня вдруг не станет, вы же не устроите скучные поминки?

Лили сразу нахмурилась и убрала руку с её волос.

— Перестань, — тихо, но жёстко сказала она.

Сара повернула голову и посмотрела на них снизу вверх.

— Я серьёзно.

В её глазах отражалось солнце, но в этом не было лёгкости.

— Это не смешно, — сказала Эмма, невольно поёжившись.

Хотя день был тёплым, по коже пробежал холод.

Сара усмехнулась, но улыбка вышла натянутой.

— Да ладно. Это просто слова.

Пауза повисла сама собой.

Смех вокруг стал тише, как если бы кто-то убавил громкость мира. Ветер, до этого мягкий, резко усилился, поднял пыль и сухие листья и на секунду прошёлся по двору холодной волной.

Лили тихо ответила, её голос был едва слышен: — Мы будем вместе. И всё.

Эмма кивнула, соглашаясь с подругой.

Это было самое честное обещание, которое можно было дать. Сара посмотрела на них обеих долгим взглядом, в котором смешались благодарность и что-то ещё, неуловимое, и наконец улыбнулась по-настоящему.

— Тогда ладно.

Где-то за деревьями завыл ветер, и на секунду Эмме показалось, что в стороне заброшенной лаборатории что-то блеснуло среди деревьев. Не как отражение солнца, как металл, поймавший случайный свет.

Глава 3.

Следующее утро накрыло город привычным спокойствием. Всё выглядело обычным: солнце, лёгкий ветер, запах свежей выпечки из ближайшей пекарни. Студенты спешили на пары, обсуждали выходные и случайные сплетни. В этом шумном, повседневном мире не оставалось места для кошмаров.

Эмма чувствовала себя разбитой. Сон не приходил, а если и удавалось задремать, перед глазами снова возникало одно и то же: таинственный свет в окне лаборатории.

Под утро она всё-таки провалилась в тяжёлый, беспокойный сон.

Ей снился коридор. Стены казались живыми: едва заметно пульсировали, подстраиваясь под её испуганное дыхание. Под ногами не было кафеля — только глухая пустота, которая гасила звук шагов.

Эмма шла вперёд, повинаясь какому-то внутреннему зову. В конце коридора она увидела дверь, которая была приоткрыта.

Эмма помнила её запертой на замки и опечатанной властями. Теперь тяжёлая металлическая створка ждала, когда её толкнут. Внутри царил хаос, упорядоченный, чтобы быть случайным: пыль лежала плотным слоем, но часть приборов работала. Старые мониторы мерцали в полумраке, как если бы кто-то только что отошёл и должен был вернуться в любую секунду.

Воздух был тяжёлым, настороженным.

— Тут кто-нибудь есть? — её голос прозвучал чужим и сразу растворился в тишине.

Ответа не было.

Впереди что-то мигнуло. Один раз. Потом ещё раз, как сигнал.

Эмма сделала шаг назад — и за спиной раздался механический щелчок.

Она резко обернулась.

Коридор изменился. Стены сдвинулись ближе, пространство начало сжиматься, как складывающаяся конструкция. Ноги стали тяжёлыми, пол перестал быть твёрдым. Яркое свечение разлилось по коридору, заполняя всё поле зрения.

И в этом свете появился силуэт.

Он стоял в глубине лаборатории и смотрел прямо на неё.

Резкий звук вырвал её из сна — будильник.

Эмма дёрнулась на кровати, жадно втянула воздух. Она осмотрела свою комнату, всё было как обычно: солнечные лучи, знакомый шум города за окном, телефон, вибрирующий на тумбочке.

Но ощущение взгляда так и осталось.

Столовая встретила их привычным гулом голосов и звоном посуды. Их маленький столик у окна был островком спокойствия в этом океане хаоса.

Лили уже сидела там, изящно помешивая ложечкой кофе с молоком. Её светлые волосы были собраны в небрежный пучок, а взгляд устремлён куда-то сквозь стекло.

Через пару минут к ней присоединилась Сара. Она с грохотом опустила поднос на стол и с мученическим стоном рухнула на стул.

— Официально заявляю: утро — это ошибка всего человечества и его худшее изобретение после брокколи на пару.

— Ты так говоришь каждый день с тех пор, как нам исполнилось пятнадцать, — мягко улыбнулась Лили, не отрывая взгляда от окна.

— Потому что каждый день я права! — отрезала Сара и сделала большой глоток апельсинового сока.

Эмма подошла последней. Она двигалась медленно, словно во сне. Улыбка не коснулась её губ.

Сара заметила это первой.

— О-о-о... — протянула она, прищурившись и отставив стакан.

— Я знаю это выражение лица.

Лили наконец повернулась к подруге.

— Что случилось? Ты что, увидела призрака?

Эмма села напротив подруг, но всё ещё время от времени поглядывая куда-то в сторону окна, мысленно оставалась там, у себя в комнате. Несколько секунд она молчала, собираясь с мыслями, и это молчание постепенно начало напрягать даже Сару.

— Ладно, теперь ты обязана объяснить, почему выглядишь так, будто кого-то убила, — сказала она, пытаясь разрядить атмосферу.

Эмма подняла на неё взгляд.

— Я ночью видела свет в лабораторном корпусе.

Лили нахмурилась почти сразу.

— В старом?

Эмма медленно кивнула.

Сара непонимающе усмехнулась.

— Эм, его же закрыли сто лет назад.

— Именно, — тихо ответила Эмма.

После этого слова за столом стало заметно тише.

Она подалась чуть ближе и опустила голос, даже сам разговор об этом казался неправильным.

— Я собиралась спать, хотела закрыть шторы и увидела.

Лили медленно отложила ложку в сторону.

— Там ведь даже электричества быть не должно, — сказала она уже серьёзнее.

Эмма кивнула.

— Да. Этот корпус отключён полностью. Половина этажей заброшена, туда никого не пускают. Но свет был, очень яркий, внутри работало какое-то оборудование.

Сара больше не улыбалась.

— И самое странное... — Эмма на секунду замолчала, вспоминая это ощущение. — Когда я продолжила смотреть, он резко погас. Просто исчез, как будто кто-то заметил, что за зданием наблюдают.

Сара фыркнула и откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди.

— И что такого? Там же постоянно ошиваются всякие любители острых ощущений из студсовета или кто там ещё ищет приключения на свою... голову.

— Нет! — Эмма покачала головой так резко, что прядь волос упала ей на лицо. — Не там! Не в главных залах, а дальше!

Она наклонилась ещё ближе к столу, обводя подруг заговорщическим взглядом.

— Там есть часть здания... она закрыта даже для самых отбитых сталкеров кампуса. Все форумы об этом пишут. Даже самые безбашенные сталкеры кампуса туда не суются. Видео обычно обрываются ещё у западного крыла.

— И ты считаешь... кто-то туда всё-таки пробрался? — уточнила Лили с ноткой тревоги в голосе.

— Я думаю... — Эмма запнулась на секунду, — что кто-то там уже давно.

За столом повисла тяжёлая тишина. Было слышно только гудение холодильника где-то в углу зала да стук пальцев Сары по столешнице.

— Ладно... Ну допустим... И что теперь? — нарушила молчание Сара тоном адвоката дьявола.

Эмма посмотрела ей прямо в глаза:

— Я хочу проверить.

Сара закатила глаза:

— Конечно хочешь! Давно ты у нас мисс «Давайте залезем в склеп на спор»?

— Я серьёзно!

— И я тоже серьёзно говорю — это самая идиотская затея из всех твоих идиотских затей!

Лили тихо вмешалась в их перепалку:

— А если там действительно кто-то есть?

Сара резко развернулась к ней:

— И что? Мы придём туда и скажем: "Здравствуйте, мы три студентки. Не могли бы вы перестать нарушать законы?".

— Нет... Но... тебе разве не любопытно? — голос Лили звучал мягко, но настойчиво.

Сара осеклась и замолчала надолго. Любопытство было её слабостью номер один после кофе с карамельным сиропом.

— Немного... — призналась она наконец с неохотой.

Эмма тут же уловила эту трещину в её броне:

— Вот видишь! Мы просто одним глазком глянем! Быстренько! Ничего не будем трогать! Никуда глубоко лезть не станем!

— Ты буквально только что сказала «глубже», — сухо напомнила Сара.

— Мы будем осторожны!

Лили уверенно кивнула:

— Я с тобой.

Сара посмотрела сначала на Лили с её решительным взглядом ясных глаз, потом на Эмму с её лихорадочным блеском во взгляде. Она поняла: выбора у неё нет.

Тяжело вздохнув так громко, что парень за соседним столиком обернулся, она сказала:

— Отлично... Только если нас там убьют — я вас прокляну.

Эмма слабо улыбнулась:

— Учтём...

Но улыбка не дошла до её глаз. В них всё ещё отражался тот холодный белый свет из сна.

Глава 4.

Вечер пришёл незаметно, постепенно стирая дневной свет и заполняя комнату Эммы мягкими тенями, которые ложились на стены плотными полосами, и комната казалась меньше, чем днём.

Окно было приоткрыто. Прохладный воздух шевелил край занавески.

Эмма сидела на полу, спиной к кровати, и пыталась собрать мысли в одно целое.

Звонок в дверь заставил её вздрогнуть сильнее, чем следовало.

— Открывай, мы знаем, что ты дома! — раздался голос Сары.

Эмма поднялась, быстро провела рукой по волосам, пытаясь привести их в порядок, хотя прекрасно понимала, что это бессмысленно, и открыла дверь.

Сара влетела первой, как порыв ветра, принося с собой шум, движение и ощущение жизни, за ней вошла Лили — аккуратно, она боялась нарушить хрупкое равновесие этого пространства.

— У тебя тут как всегда атмосферно, — сказала Сара, оглядывая комнату с видом человека, который уже мысленно переставляет мебель.

— У тебя как всегда много слов, — спокойно ответила Эмма, закрывая дверь.

Лили лишь мягко улыбнулась и поставила свою сумку рядом с креслом.

Они устроились у окна автоматически, как делали это уже много раз раньше.

Лаборатория стояла вдалеке, утопая в темноте. Та же форма, те же тёмные окна, тот же силуэт. Но сегодня в её неподвижности появилось новое ощущение — не пустота, а ожидание, как у закрытой двери, за которой кто-то стоит.

— Ну и... — Сара подтянула ноги к себе и посмотрела на Эмму с прищуром.

— Объясни ещё раз, почему мы не можем просто это забыть и жить как нормальные люди.

— Потому что этот свет, это ненормально, его не должно там быть, — тихо ответила Эмма, не отводя взгляда от здания.

— Свет можно увидеть где угодно, — отмахнулась Сара, но в голосе уже не было прежней уверенности.

— Не такой, — коротко сказала Эмма.

Лили перевела взгляд с неё на лабораторию и слегка нахмурилась, пытаясь уловить то, что обычно ускользает от внимания.

— Если там правда кто-то есть... — начала она осторожно.

— Тогда мы туда не пойдём!, — перебила её Сара.

Она замолчала, переводя взгляд с Эммы на Лили.

— ...Чёрт.

Ладно. Пойдём.

Эмма едва заметно улыбнулась. В этой улыбке было больше благодарности, чем радости.

Телефон в её руке завибрировал.

Сообщение от Итана.

Она открыла чат почти сразу, хотя заранее знала, что там будет.

«Прости, сегодня не получится. Дела. Заеду в другой раз».

Эмма задержала взгляд на экране, надеясь, что слова изменятся, но они остались предсказуемыми.

— Он? — сразу спросила Сара, заметив выражение её лица.

— Да, — коротко ответила Эмма и заблокировала телефон.

— И, конечно же, не приедет, — усмехнулась Сара, но без злости, скорее с каким-то усталым пониманием.

— Как обычно, — спокойно сказала Эмма, пожав плечами.
Но внутри что-то всё равно привычно сжалось.

Она отложила телефон в сторону, убирая вместе с ним и эту часть своих ожиданий, и снова посмотрела в окно.

— Ладно, — сказала Лили, доставая телефон и устраиваясь поудобнее, — давайте хотя бы попробуем узнать, куда именно мы собираемся лезть.

— В ад, — тут же ответила Сара.

— Очень информативно, спасибо, — тихо сказала Лили и начала быстро искать что-то в интернете.

Свет от телефона отражался в её глазах, делая их чуть более холодными и сосредоточенными, чем обычно.

— Здесь есть форумы... старые обсуждения... — пробормотала она, почти не отрываясь от чтения.

— Конечно есть, — фыркнула Сара, — в интернете есть всё, включая людей, которые верят, что Земля плоская.

— Тут не совсем про это, — Лили чуть нахмурилась и прокрутила вниз, задержав палец на одном из сообщений.

— Что там? — Эмма невольно подалась вперёд.

Лили на секунду замолчала, решая, стоит ли читать это вслух.

— Пятьдесят лет назад лабораторию закрыли, — наконец сказала она тихо, — официально из-за нарушения этических норм в научных исследованиях.

— Звучит уже не очень, — заметила Сара, но в её голосе появилась тень напряжения.

— Тут пишут... — Лили сглотнула и продолжила, — что они проводили эксперименты с людьми.

В комнате стало тише.

— Какие ещё эксперименты? — спросила Эмма, и её голос прозвучал чересчур ровно.

— Не уточняется, — Лили покачала головой, — но многие пишут, что это были попытки... сохранить сознание.

Сара тихо рассмеялась, но этот смех получился каким-то чужим.

— Ну да, конечно, — сказала она, — классические страшилки для любителей пощекотать себе нервы перед сном.

— Возможно, — согласилась Лили, но не выглядела убеждённой.

Эмма молчала.

Слова застряли где-то внутри, не находя выхода.

Сохранить сознание.

Почему-то именно эта фраза зацепилась внутри, оставив после себя липкое ощущение, от которого не получалось избавиться.

Эмма снова посмотрела на лабораторию. Тёмные окна смотрели в ответ — неподвижно. Или просто казались такими.

— Это всё просто истории, — сказала Сара уже увереннее, убеждала не их, а себя.

— В каждом городе есть такое место, и у него всегда есть жуткая легенда, чтобы жизнь не казалась скучной.

— Наверное, — тихо ответила Эмма.

Но внутри у неё уже сложилась ясность: они всё равно туда пойдут.

И дело было не в любопытстве. Иногда тайна не ждёт, когда к ней подойдут — она сама выбирает тех, кто её заметит.

Глава 5.

Ночь окутала город, но луна, заливала улицы холодным, безжалостным светом. Было очень светло, чтобы спрятаться, и в то же время темно, чтобы чувствовать себя в безопасности. Тени казались живыми, а каждый шорох — предвестником беды.

Дорога к лаборатории смотрелась бесконечной. Девушки шли молча, стараясь не смотреть друг на друга. Асфальт под ногами был усыпан мелкими камнями и осколками стекла. Каждый шаг звучал громче в этой тишине. Пронизывающий ветер, пробирал до дрожи, заставляя плотнее кутаться в куртки. Вокруг не было ни души.

Сара шла чуть позади, постоянно оглядываясь. Ей казалось, что за ними кто-то следит — не человек, а сама ночь. Сердце билось часто и тревожно, а ладони стали влажными от страха.

Лили, наоборот, смотрела только вперёд. Она старалась казаться спокойной, но внутри всё сжималось от дурного предчувствия. Каждый шаг давался с трудом, ноги наливались свинцом. Она не хотела признаваться даже себе, что уже жалеет о затее.

Эмма шла впереди всех. В её взгляде читалась странная смесь решимости и отчаяния. Она не могла объяснить, почему её так тянет сюда — как невидимая нить ведет её к этому месту. Но чем ближе они подходили, тем сильнее становилась тревога. Что-то внутри шептало: «Ты совершаешь ошибку», но остановиться было уже невозможно.

Город закончился внезапно. Только что вокруг были дома с редкими светящимися окнами, а теперь — лишь пустота и звенящая тишина. Впереди возвышалось здание лаборатории. Оно было огромным, тёмным и казалось каким-то живым, хотя и стояло неподвижно. Окна зияли, ветер свистел внутри, и этот протяжный звук был похож на чьё-то дыхание.

— Мне это совсем не нравится, — тихо призналась Сара.

— И мне, — эхом отозвалась Лили.

Эмма молчала. Она медленно обвела взглядом здание, останавливаясь на каждом окне. Она быстро нашла нужное окно. То самое. Но теперь оно ничем не отличалось от остальных. Света там не было.

Сердце неприятно ёкнуло.

— Видишь? — сказала Сара.

— Ничего же нет.

— Был, — упрямо ответила Эмма.

Они подошли к забору. Он был старым, перекошенным, прутья все заржавели от времени и дождей. В одном месте проволока была порвана.

— Нас тут прямо ждут, — нервно хихикнула Сара.

— Ничего смешного, — одёрнула её Лили.

Они пролезли внутрь. Трава под ногами была высокая и мокрая. Где-то вдалеке что-то скрипнуло — похоже, какая-то металлическая конструкция качалась на ветру.

Главный вход оказался заколочен досками.

— Ну вот и отлично! — с облегчением сказала Сара. — Пошли домой.

— Подожди, — Эмма уже шла вдоль стены.

За зданием было тише. Воздух здесь был тяжёлым и неподвижным. Там они нашли чуть приоткрытую дверь. Она заметно поскрипывала от ветра.

— Нет! — сразу сказала Сара. — Нет-нет-нет!

— Это наш вход, — тихо сказала Эмма.

— Это какая-то ловушка!

Лили провела рукой по двери.

— Она же не выглядит сломанной.

— Вот именно! — подхватила Сара.

Эмма надавила на дверь осторожно, ожидая сопротивления. Но та поддавалась достаточно легко, словно кто-то недавно оставил её незапертой.

— Фонарики! — скомандовала она.

Три луча прорезали темноту. Первое, что они почувствовали, это запах. Сырость. Пыль. И что-то ещё... такой резкий, металлический запах.

— Как в больнице, — прошептала Лили.

— Или в морге, — добавила Сара дрогнувшим голосом.

Они вошли внутрь. Дверь за ними тихонько закрылась с протяжным стоном. Звук эхом разнёсся по коридору и затих где-то в глубине здания. А потом стало тихо. Стены были облуплены, кое-где видна плесень. На полу были какие-то следы: старые разводы грязи и пыли, уже не разобрать чьи.

— Мы просто смотрим? — напомнила Лили.

— И сразу уходим! — добавила Сара.

Эмма кивнула, но уже двигалась вперёд по коридору. Они шли медленно. Каждый шаг отдавался глухим эхом в пустоте.

Коридор тянулся бесконечно. По обе стороны были двери: одни закрытые на ржавые замки, другие сломанные и висящие на одной петле, третьи заколочены досками так же плотно, как главный вход. Иногда попадались таблички: «Сектор В», «Доступ ограничен», «Только для персонала».

— Это место... оно не просто заброшено, — сказала Лили.

— Оно закрыто, — добавила Эмма.

— Было закрыто! — уточнила Сара нервно.

Только они свернули за угол, как услышали какой-то звук. Это были чёткие, размеренные шаги. Не шорохи ветра или скрип старого здания, а именно шаги человека или кого-то очень похожего на него.

Все трое замерли. Было слышно только стук их собственных сердец.

— Вы это слышали?.. — прошептала Лили одними губами.

Ответ был и не нужен. Шаги становились всё ближе. И остановились прямо за поворотом.

Глава 6.

— Назад, — едва слышно выдохнула Сара, но её собственный голос показался ей чужим. Ноги, окаменев, отказывались слушаться. Шаги за спиной нарастали, словно тот, кто следовал за ними знал, что им некуда деться, что этот момент был неизбежен. Воздух в коридоре стал тяжёлым, как перед грозой.

Из-за поворота медленно появлялся силуэт. Сначала это была лишь сгустившаяся тень, потом чёткие очертания человека. Он был значительно выше любой из девушек, и двигался с пугающей механической плавностью. Одет он был во всё тёмное: строгий, но устаревшего кроя костюм, который казался тяжёлым для этого места. Густые чёрные волосы были зачёсаны назад, открывая высокий лоб. Но больше всего завораживали его глаза. Они были холодными, серыми, почти бесцветными, и смотрели не на девушек, а сквозь них. В этом взгляде не было удивления — лишь бесконечная усталость и странное, пугающее облегчение.

Когда он улыбнулся, его губы дрогнули едва заметно, но от этой улыбки по спине пробежал холодок.

Эмма застыла. Внутри неё что-то сжалось. Она уже видела его. Во сне. Тот самый призрак из коридоров лаборатории, где стены пульсировали, а свет казался живым. И теперь он стоял перед ней, настоящий.

— Наконец-то, — прозвучало тихо, но весомо.

— Вы и представить не можете, как я рад вас видеть.

Лили инстинктивно сделала шаг назад и упёрлась спиной в холодную стену.

— Кто вы? — голос Эммы дрогнул, но она упрямо вскинула подбородок, пытаясь загордить подруг своим телом.

Мужчина наклонил голову набок, рассматривая их.

— Вы пришли сами. Это... многое упрощает.

Сара вцепилась в руку Эммы так сильно, что ногти впились в кожу.

— Мне это не нравится, — прошептала она одними губами.

— Мне тоже, — так же шёпотом ответила Эмма.

Мужчина сделал шаг вперёд. В тусклом свете фонариков его фигура казалась ещё более зловещей.

— Не бойтесь. Вы не представляете, насколько вы важны.

Это было чересчур. Слова прозвучали как приговор. Эмма почувствовала, как паника поднимается от живота к горлу.

— Бежим! — крикнула она и рванула назад, увлекая за собой подруг.

Коридоры превратились в хитросплетение теней и страха. Лучи фонариков неистово метались по обшарпанным стенам, выхватывая из темноты облупившуюся краску и ржавые трубы. Дыхание вырывалось надрывными толчками, шаги путались, сталкиваясь в отчаянной попытке спастись.

— Сюда! — Лили указала на узкий боковой проход, уходящий влево.

Они забежали в первую попавшуюся комнату и захлопнули за собой дверь. Тишина оглушила после беготни. Только их сбившееся дыхание нарушало мёртвое спокойствие здания.

— Он идёт? — прошептала Сара, прижавшись ухом к двери.

Никто не дал ответа. Все трое замерли, слушая стук собственных сердец, который казался невыносимо громким в этой давящей тишине.

Прошла минута. Две. Ничего.

— Может... он ушёл? — робко предположила Лили.

— Или ждёт, когда мы выйдем, — мрачно ответила Сара.

Эмма закрыла глаза и прижалась затылком к холодной стене. Мысли путались.

— Мы не можем сидеть здесь вечно.

— Можем! — тут же возразила Сара.

— Нет. Мы не для этого пришли сюда, чтобы прятаться в кладовке! — Эмма поднялась на ноги. Её решимость вернулась вместе со злостью на собственный страх.

— Мы тихо выходим и ищем другой путь.

Лили кивнула, нервно кусая губу. Сара закатила глаза к потолку и шумно выдохнула: — Ладно-ладно! Я с вами!

Эмма осторожно приоткрыла дверь. Коридор был пуст и тих. Она выглянула наружу: ни шагов, ни теней.

Они выскользнули из своего укрытия и двинулись вперёд как можно тише. Сделали всего несколько шагов по направлению к лестнице для персонала, когда впереди послышались новые звуки: грубые окрики и тяжёлые шаги целой группы людей.

— Чёрт! — выкрикнула Сара и резко остановилась.

В свете фонарей мелькнули фигуры в форме охраны. Их заметили.

— Стоять!

Громкий приказ эхом разнёсся по коридору. Грубые шаги приближались с пугающей скоростью.

— Ловушка! — вскрикнула Лили.

Эмма быстро огляделась по сторонам. Её взгляд упал вниз: прямо у стены был открыт круглый люк технического тоннеля. Из чёрного провала тянуло сыростью и запахом стоялой воды.

— Туда! — скомандовала она и первой прыгнула вниз, не давая себе времени на раздумья.

Падение было коротким и болезненным. Сверху донеслись испуганные крики подруг.

— Прыгайте! Быстрее!

Лили последовала за ней почти сразу же. Сара медлила всего секунду: над головой уже слышался топот подбегавших охранников. Она зажмурилась и сиганула в темноту следом за подругами.

Глава 7.

Темнота не приходит сразу.

Эмма не сразу поняла, что произошло. Пол исчез. Мир накренился. И она полетела вниз.

Воздух свистел в ушах. Он цеплялся за кожу, пробирался под одежду, в волосы, в лёгкие.

Крик вырвался сам собой— ААААА!

Рядом были другие голоса. Крики Сары и Лили сливались в один, отражаясь от бетонных стен. Падение длилось невыносимо долго.

И затем — вода.

Удар был не мягче, чем о землю. Ледяная гладь разбилась о тело, как стекло. Холод мгновенно вцепился во всё тело. Вода сомкнулась над головой, она пахла сыростью, гнилью и чем-то неуловимо химическим, как старые трубы или заброшенные очистные системы.

Эмма дёрнулась, но руки и ноги не слушались. Вверх. Где верх? Паника ударила сильнее холода. Она зажмурилась, рванулась, и наконец вынырнула.

Воздух ворвался в лёгкие резко и болезненно. Она закашлялась: — Дыши... дыши... дыши... Голос был её, но звучал чужим.

— Эмма! — крикнула Лили. Эхо разнесло её имя по пространству.

— Я здесь!

Эмма обернулась. Глаза постепенно привыкали к темноте. Это было огромное, мрачное пространство. Подземный канал. Серые, высокие бетонные стены, покрытые тёмными разводами стекающей воды. Где-то бетон треснул, из щелей виднелись ржавые куски арматуры. Потолок терялся где-то вдали, лишь узкая полоска света обозначала его линию. Оттуда они упали.

На поверхности плыли обломки: куски древесины, мусор. Течение было медленным, но ощутимым. Оно тянуло в сторону очень настойчиво.

— Сара?! — крикнула Эмма.

Ответа не было. Сердце сжалось. — Сара!

— Я... здесь... — справа донёсся срывающийся голос.

Эмма резко повернулась. Сара держалась за выступ в стене, её пальцы скользили по мокрому бетону. Лицо было бледным, губы посинели.

— Я... не чувствую ног...

Вода вокруг неё темнела.

— Нет... нет... — прошептала Эмма и поплыла к ней.

— Держись за меня! — сказала Эмма, подплывая.

Сара попыталась поднять руку и вскрикнула. Её крик разрезал пространство, глухо ударился о стены. Лили подплыла с другой стороны.

— Нужно выбраться отсюда! — дрожащим голосом сказала Эмма.

— Куда?! — почти сорвалась Сара.

— Ты видишь хоть что-то?!

Эмма заставила себя оглядеться. И тогда она заметила выступ — узкую бетонную ступеньку вдоль стены, скользкую и неровную, но выше уровня воды.

— Туда! — сказала Эмма.

— Медленно. Мы справимся.

— Я не могу... — прошептала Сара. Её тело уже почти не держалось.

— Можешь! — жёстко сказала Эмма.

— Смотри на меня!

Сара посмотрела на неё. В её широко раскрытых глазах был неподдельный страх и самое страшное — в них не было надежды.

— Я не хочу умирать...

Эмма сжала её холодную руку.

— Ты не умрёшь.

Они начали двигаться к выступу. Вода сопротивлялась, тянула их назад. Каждое движение казалось последним. Лили выбралась первой, зацепившись за край и с трудом подтянувшись на дрожащих руках.

— Давай! — крикнула она сверху.

Эмма подтолкнула Сару: — Ещё чуть-чуть!

Они вдвоём тянули её вверх. Сара закричала от боли — и в этот момент Эмма увидела кровь. Она растекалась по воде алыми лентами, растворяясь в тёмной поверхности и превращаясь в мутные пятна на чёрном зеркале канала. Ткань на боку Сары была разорвана; под ней виднелась глубокая рана — неровная и страшная от удара об арматуру при падении.

Сара дышала прерывисто; пальцы судорожно сжимались так сильно, что костяшки побелели.

— Не отпускай... — выдохнула она почти беззвучно.

— Нет... — прошептала Эмма.

Они вытащили её. Аккуратно положили её на холодный бетон. Вода стекала с их одежды капля за каплей.

Сара повернула голову к Лили; её взгляд был затуманен болью и странным спокойствием.

— Ты всегда... была самой доброй... Лили сжала её ладонь так сильно, как будто могла удержать жизнь внутри неё силой своей любви: — Пожалуйста...

Сара перевела взгляд на Эмму, её губы дрогнули в слабой улыбке:

— Помнишь... я говорила... если что... Её голос становился тише с каждым словом; дыхание превращалось в едва слышный шёпот:

— Если что-то случится... чтобы вы не оставляли друг друга?

Эмма почувствовала, как горло сдавило спазмом; слёзы обожгли глаза:

— Нет! Ничего не будет!

Сара смотрела на неё с бесконечной нежностью; это был прощальный взгляд человека, который уже всё для себя решил:

— Будет...

Она закрыла глаза всего на секунду; когда открыла их снова — там была только тихая грусть и прощание:

— Не оставляйте друг друга... я всегда буду с вами...

Её пальцы сжались в последний раз, а потом медленно разжались, голова чуть повернулась набок, а взгляд остановился где-то далеко над их головами или внутри себя самой... навсегда.

Лили закричала. Это был рваный дикий крик нечеловеческой боли. Он ударился о стены канала и вернулся обратно слабым эхом горя.

Эмма не могла кричать.

Она сидела рядом с телом Сары и смотрела на её лицо, которое становилось неестественно бледным в тусклом свете канала.

Где-то рядом капала вода. В темноте шумело течение, унося что-то дальше по тоннелю.

Лили тихо плакала, зажимая рот ладонью, чтобы не сорваться на крик.

А Эмма просто сидела и смотрела.

И именно в этот момент до неё впервые по-настоящему дошло: они упали не просто в затопленные тоннели под лабораторией.

Они попали в место, после которого уже не возвращаются прежними.

Что-то осталось здесь навсегда — рядом с холодным бетоном, эхом воды и тишиной, наступившей после последнего вдоха Сары.

Глава 8.

Сначала была тишина. Вода внизу всё так же текла, с глухим, вязким шумом. Поток не был сильным, но в нём чувствовалась скрытая сила, способная утянуть на дно, стоит лишь отпустить скользкий край бетонного выступа.

С одежды, мокрых волос девушек капала вода. Капли падали вниз, разбиваясь о чёрную поверхность канала с пугающе чётким звуком: *кап... кап... кап*. Этот звук был единственным ритмом в этом мире.

Местами бетон под ними крошился от старости и сырости, оставляя на ладонях серую пыль, смешанную с влагой. По стенам тянулись тёмные потёки, который едва пробивался сверху сквозь узкую щель люка. В воздухе чувствовался запах застоявшейся воды, ржавчины и чего-то более глубокого — здесь годами разлагались не только отходы, но и сама надежда.

Лили сидела, согнувшись над телом Сары. Она держала её руку обеими ладонями, сжимая пальцы так сильно, что её собственные костяшки побелели. Мокрые пряди волос прилипли к её щекам и губам, но она не замечала этого.

— Вставай... — прошептала она. Голос был тихим, он почти терялся в пространстве.

— Ну давай... — она чуть сильнее сжала безжизненную руку.

— Это не смешно...

Её дыхание сбивалось, превращаясь в короткие всхлипы.

— Ты же... ты же всегда... шутишь...

Сара лежала неподвижно. Её голова была чуть повернута в сторону, волосы рассыпались по мокрому бетону. Капли стекали с них вниз. Кожа выглядела светлой, лишённой цвета, выцветшей, как старая фотография. И в этой неестественной белизне было что-то пугающее.

Эмма сидела рядом с подругами, не двигаясь. Её руки лежали на коленях, пальцы слегка подрагивали от внутреннего напряжения, которое не находило выхода. Она смотрела на Сару, надеясь, что если она будет смотреть достаточно пристально, то увидит движение грудной клетки или взмах ресниц. Она боялась отвести взгляд — ей казалось, что как только она это сделает, смерть Сары подтвердится.

— Лили... — тихо сказала Эмма. Звук её голоса показался чужим, пустым эхом в бетонной трубе.

Лили резко повернула голову. В её глазах полыхнула ярость.

— Нет.

Слово ударило коротко и жёстко.

— Нет! — повторила она уже громче. Она еле сдерживала себя.

— Даже не говори этого! Не смей!

Эмма медленно вдохнула влажный воздух.

— Мы должны...

— НЕТ! — Крик вырвался резко, ударился о бетонные стены, разлетелся по каналу и вернулся обратно глухим, растянутым эхом.

Лили вскочила на ноги так резко, что едва не поскользнулась на мокром бетоне.

— Она не умерла! — закричала она в пустоту тоннеля. Её голос сорвался на хрип.

— Ты слышишь меня?! НЕ УМЕРЛА!

Она бросилась к телу Сары. Упала на колени и начала трясти её за плечи.

— Проснись! Давай! Ты же не можешь... ты не можешь просто взять и... — её голос сорвался окончательно. Она задыхалась, глотала сырой воздух так жадно, словно его катастрофически не хватало.

— У тебя день рождения... — слова путались, слетали с губ обрывками воспоминаний.
— Через три дня... Мы же... мы же всё уже придумали...

Внезапно её руки ослабли. Она перестала трясти тело и просто опустила ладони на мокрую грудь Сары. Лили медленно опустилась на колени рядом с подругой и посмотрела ей в лицо. И в этот момент что-то внутри неё сломалось окончательно.

— Нет... — прошептала она совершенно другим голосом — пустым, без сопротивления судьбе.

— Пожалуйста... нет...

Теперь это был голос человека, который сдался.

Эмма подвинулась ближе к подруге. Она протянула руку и остановилась на полпути в нерешительности, но всё же коснулась плеча Лили очень осторожно.

— Лили...

— Не трогай меня! — Лили даже не повернула головы. Её плечи дрожали крупной дрожью.

— Ты уже сдалась? Да? — тихо, но с неожиданной резкостью спросила Лили. Она подняла на Эмму глаза, полные слёз и обвинений.

— Просто так? Уплыла по течению?

Эмма закрыла глаза на секунду. Внутри была звенящая пустота. Там не было ни слов утешения, ни сил для борьбы.

Лили снова перевела взгляд на Сару. И на этот раз она не отвела его. Она смотрела, пытаясь запомнить каждую черту её лица навсегда. Её дыхание стало медленным и поверхностным. Она пыталась удержаться за что-то внутри себя — за память о смехе Сары, за тепло их дружбы, но не находила опоры.

Она наклонилась вперёд и прижалась лбом к плечу мёртвой подруги. И закричала.

Эмма всё также сидела рядом с подругами. Время перестало ощущаться: оно растянулось в бесконечную резиновую ленту или вовсе остановилось вместе с сердцем Сары. Они просто сидели рядом с ней: одна живая в отчаянии кричала у неё на плече, другая живая оцепенела от шока рядом.

Холод начал проникать глубже, в сами мышцы и кости. Пальцы перестали слушаться окончательно и стали похожи на ледышки.

И тогда Эмма почувствовала запах. Он был едва заметным на фоне общей сырости и гнили, но был другим — сладковатым, тёплым и абсолютно неуместным для этого холодного склада из бетона и воды.

Эмма медленно подняла голову и втянула воздух носом более осознанно. Запах усилился мгновенно.

— Ты чувствуешь?... — прошептала Эмма хрипло.

Лили не сразу отреагировала, она всё ещё прижималась к Саре, вздрагивающими плечами. Потом чуть приподняла голову:

— Да...

Запах становился плотнее с каждой секундой.

— Нам нужно... — начала Эмма с трудом собирая мысли как рассыпанные бусины, но слова распались сами собой. Свет сверху стал мягким, но тело наливалось приятной тяжестью, веки опускались против воли

— Не засыпай... — прошептала она скорее себе, чем Лили, пытаясь удержать ускользающее сознание

Но тьма была ласковой, она манила, обещала покой без слёз и боли. Лили рядом тоже затихла, прижавшись к Саре уже не плача, а просто дыша ровно, так что боль просто... выключили щелчком невидимого тумблера, и темнота накрыла их медленно плавно без сопротивления унося туда где нет ни холода, ни страха.

Эмма открыла глаза резко. Воздух показался химически стерильным после подземной сырости, свет был невыносимо ярким. Она зажмурилась, инстинктивно повернула голову — под ней был гравий, он впивался в ладони, когда она попыталась пошевелиться. Кожа была холодной, одежда влажной, но уже не пропитанной ледяной водой, а просто сырой.

Эмма медленно приподнялась на дрожащих локтях и огляделась мутным взглядом. Высокие бетонные стены окружали пространство со всех сторон. На них не было плесени или ржавых потёков — только серый монолит. Сверху была узкая полоска неба стального цвета, и этот двор—колодец был вырезан внутри огромного здания.

Сердце забилося быстрее. Этот страх был другим, не животным ужасом погони, а холодным пониманием. Они были внутри всё это время. Это была лаборатория, но внутренняя, о которой она никогда не слышала. Вокруг слышались звуки: чёткие шаги, голоса, лязг металла.

— Аккуратно...

— Держите ровно...

— Эта жива...

Слова доходили обрывками. Эмма моргнула, пытаясь сфокусировать зрение. И увидела носилки. Их несли быстро, но аккуратно. На них лежала Лили. Её тело было зафиксировано широкими ремнями. Голова безвольно повернута в сторону. Лицо было бледным до синевы, умиротворённым, как у спящей красавицы из страшной сказки.

— Лили... — прошептала Эмма, но её голос был почти неслышным.

Люди даже не обернулись, они пронесли носилки мимо неё к открытым дверям здания, ведущим внутрь этой новой кошмарной реальности.

Эмма попыталась подняться. Руки дрожали, пальцы скользили по гравию, тело отказывалось слушаться. И тогда она заметила, что чуть в стороне стоят ещё одни носилки. Они стояли на земле неподвижно, накрытые тёмной плотной плёнкой, которая плотно облегла контуры тела, под ней угадывались очертания фигуры.

— Нет... — выдохнула Эмма, это слово вырвалось само собой.

Она поползла. Каждое движение отдавалось во всём теле тупой болью. Гравий впивался в колени, в ладони. Но она не чувствовала боли — только необходимость увидеть и убедиться, что это ошибка. Плёнка чуть сдвинулась от лёгкого порыва ветра. И из-под тёмного савана показалась рука. Пальцы были слегка согнуты, будто пытались сжаться в кулак, но сил не хватило.

На запястье был браслет: плетёный, синий, белый... и тонкая красная нить, вплетённая неровно, чуть криво. Эмма замерла.

Воздух застрял в груди ледяным комом. Она узнала его сразу, помнила, как плела его тем летом, когда им было по двенадцать. Три одинаковых браслета: «Чтобы мы всегда были вместе».

У неё, у Лили, у Сары.

Рука не двигалась. Браслет тоже. Он был на месте, но теперь он связывал только двоих. Эмма не заплакала. У неё больше не было слёз. Она просто смотрела. Пока внутри что-то окончательно не сломалось, а именно оборвалось с тихим звоном, как струна.

И в этот момент абсолютной тишины внутри себя она поняла страшную истину: они выбрались, но их не спасли. Их поймали. И это место... оно не закончило с ними. Оно только начинало свою игру.

Глава 9.

Сознание возвращалось медленно. Первым появился звук, он повторялся с одинаковыми промежутками и не нёс в себе ни раздражения, ни успокоения, но почему-то вызывал тревогу, которую невозможно было объяснить.

Следом пришёл свет, заполняющий пространство вокруг.

Лили открыла глаза через усилие, и когда взгляд наконец сфокусировался, она увидела потолок — безупречно белый, без малейших следов времени, так, если бы он существовал вне привычной реальности, где всё неизбежно стареет и теряет форму.

Она лежала неподвижно, прислушиваясь к собственному дыханию, которое казалось чужим и немного запоздалым. Воздух был лишённым запаха, и от этого казался искусственным.

Она попыталась пошевелить пальцами, и они отозвались с лёгкой задержкой и это простое движение вдруг показалось ей важным доказательством того, что она всё ещё здесь, пусть и не полностью контролируя своё тело.

Писк рядом стал отчётливее, и она повернула голову, ощущая каждое движение как отдельное усилие. Рядом находилась аппаратура.

— Стабильна, — раздался голос.

Лили перевела взгляд и увидела двух мужчин, стоявших у стены со спокойной неподвижностью.

— Показатели в пределах нормы.

Их слова звучали безэмоционально, и от этого становилось только тревожнее, в этих фразах не было ни заботы, ни интереса — только фиксация факта.

Лили попыталась заговорить, но голос сначала не слушался, застревая где-то внутри, и лишь через секунду она смогла выдавить из себя:

— Где я?..

Один из мужчин подошёл ближе.

— Вы в безопасности, — сказал он спокойно.

— Вам не о чем беспокоиться.

Ответ не принёс облегчения, в нём не было ни конкретики, ни правды, за которую можно было бы ухватиться.

Мысли начали возвращаться обрывками, точно кто-то медленно включал память, позволяя ей всплывать не целиком, а фрагментами: холодная вода, резкое ощущение падения, страх, который сжимает грудь, и имя, которое вырывается первым.

— Сара... где она?

Мужчина не изменился в лице.

— Вам нужен отдых.

И больше ничего.

Лили почувствовала, как в руку поступает тепло, её постепенно погружали в состояние, где сопротивление становится невозможным, а мысли теряют чёткость и распадаются на отдельные, не связанные между собой фрагменты.

Она попыталась подняться, но тело ответило с запозданием, движения были тяжёлыми и неуверенными.

— Подождите... — слова прозвучали слабее, чем она хотела.

— Вам не стоит напрягаться.

И в этот момент внутри что-то дрогнуло, как вспышка чужой мысли, как движение, которое не принадлежало ей, но всё равно произошло.

Лили замерла, её взгляд на секунду стал другим, более сосредоточенным, так, что сквозь туман пробилось нечто ясное. Она посмотрела на мужчину, и в этот короткий момент он отвёл взгляд, почти незаметно, но этого оказалось достаточно, чтобы внутри неё появилась мысль: он не так спокоен, как пытается казаться.

Она моргнула, и ощущение исчезло.

Тяжесть вернулась, накрывая сознание, заставляя его снова замедлиться, стать податливым и тихим.

Когда она в следующий раз открыла глаза, в комнате уже никого не было.

Аппаратура продолжала работать, свет оставался таким же ровным и безупречным, но отсутствие людей вдруг показалось странным и даже тревожным, потому что всё происходящее выглядело контролируемым, чтобы оставлять её одну.

Лили медленно села, чувствуя, как тело постепенно становится более послушным, хотя ощущение лёгкой отстранённости всё ещё не исчезало. Она опустила ноги на пол, вздрогнув от холода, и именно эта реальность прикосновения немного заземлила её.

Она встала, сделала несколько осторожных шагов и, не услышав ни одного оклика или запрета, подошла к двери, испытывая странное чувство — ей одновременно разрешают уйти и проверяют, решится ли она на это.

Коридор за дверью оказался таким же стерильным, как и палата. Двери тянулись вдоль стен.

Она шла медленно, прислушиваясь к звуку собственных шагов, который казался громким в этой тишине, и чем дальше она продвигалась, тем сильнее становилось ощущение, что она здесь не гость, а часть какого-то процесса, смысл которого ей пока не доступен.

Одна из дверей была приоткрыта.

Лили остановилась, чувствуя, как внутри поднимается тревога, но любопытство оказалось сильнее, и она осторожно толкнула дверь.

Комната напоминала её палату лишь на первый взгляд, по тем же оттенкам стен и выверенной симметрии предметов, но стоило задержать на ней взгляд чуть дольше, как становилось ясно, что сходство здесь поверхностное, потому что сама атмосфера была иной — более холодной.

Свет был белым и безжалостно точным, он не смягчал контуры и не оставлял теням возможности спрятаться, наоборот, подчёркивал каждую деталь с такой клинической ясностью, что от этого становилось неудобно.

В центре комнаты стояла кушетка, и она не воспринималась как элемент интерьера или просто часть оборудования, скорее как единственная точка, вокруг которой было выстроено всё остальное пространство с его холодной геометрией и выверенной пустотой, и на этой кушетке лежала девушка, настолько неподвижная, что в первое мгновение возникало ощущение не просто отсутствия движения, а полного его отрицания, само тело больше не подчинялось привычным законам живого, но при этом Лили не могла с уверенностью сказать, что это действительно смерть, потому что в этой абсолютной неподвижности было что-то завершённое, как если бы грань между жизнью и её отсутствием здесь была не установлена окончательно, а лишь тонко обозначена, оставляя место для сомнения, которое становилось только сильнее от этой стерильной, выверенной тишины.

Она была примерно того же возраста, что и Лили, но это сходство не вызывало ощущения близости, напротив, подчёркивало тревожную дистанцию, потому что в чертах лица не осталось ни намёка на привычную человеческую выразительность.

К её телу тянулись тонкие, аккуратные провода.

Лили сделала шаг назад, не отрывая взгляда.

Её охватил не просто страх, а более глубокое чувство — осознание того, что она видит не случайную пациентку, а часть того же самого процесса, в котором уже оказалась сама.

Мысль сформировалась чётко, без попытки её смягчить или оттолкнуть.

Это место не лечит.

Оно что-то делает с людьми.

Лили резко развернулась и почти бегом вернулась обратно, не оглядываясь.

Она захлопнула дверь палаты и на секунду замерла, прислонившись к ней спиной, будто это могло защитить её от всего, что осталось за пределами этой комнаты, а затем резко оттолкнулась и начала судорожно осматривать себя, проводя руками по плечам, по рукам, по лицу, пыталась убедиться, что всё ещё принадлежит себе, что её тело осталось прежним и не изменилось за то время, которое выпало из памяти.

Дыхание сбивалось, пальцы дрожали, но она продолжала.

В углу палаты висело зеркало.

Лили подошла к нему не сразу, а с осторожностью, она боялась увидеть там что-то чужое, но всё же сделала шаг вперёд и остановилась напротив.

Из отражения на неё смотрела она сама.

Та же линия лица, те же глаза, та же бледность, которую можно было списать на усталость или стресс, и на короткое мгновение это принесло облегчение, настолько сильное, что она почти физически почувствовала, как напряжение ослабевает, позволяя сделать глубокий, неровный вдох.

Ничего не изменилось.

Лили закрыла глаза на секунду, пытаясь собраться, вернуть себе контроль над мыслями, а затем медленно подняла руки и начала собирать волосы, привычным движением затягивая их в хвост, как делала сотни раз до этого, цепляясь за это простое действие как за якорь, связывающий её с прежней жизнью.

Пальцы скользнули за ухо и замерли. Кожа там была другой... шершавой.

Лили медленно провела пальцами по этому месту ещё раз, уже осознанно, чувствуя тонкую линию, скрытую под волосами, и в этот момент внутри всё сжалось холодным, тяжёлым страхом, который уже нельзя было отогнать или объяснить случайностью.

Это не больница.

И она здесь не просто пациент.

Глава 10.

Эмма проснулась внезапно так, если бы кто-то выдернул её из глубины, и бросил обратно в реальность, не дав ни секунды на то, чтобы привыкнуть к возвращению.

Сознание включилось без привычной туманности сна, и это было первым, что показалось неправильным, потому что обычно пробуждение всегда тянется, цепляется за остатки сновидений, а здесь всё было отрезано, как ножом.

Первым она почувствовала холод.

Он не заставлял дрожать, не причинял физического страдания, но при этом проникал глубже, чем обычный холод, касался не кожи, а чего-то внутри, выверенного и живого, и от этого становилось не по себе.

Под ней была твёрдая поверхность — гладкая, чтобы быть кроватью, и это ощущение чуждости медленно, но неотвратимо начинало расползаться по телу, заставляя мышцы напрягаться без команды.

Эмма открыла глаза.

Она моргнула, пытаясь сфокусироваться, но взгляд не за что было зацепить, потому что всё вокруг выглядело выверенным, было ощущение, что это место было создано не для жизни, а для демонстрации того, какой она могла бы быть, если бы из неё убрать всё человеческое.

Эмма попыталась пошевелиться.

Тело отозвалось не сразу.

Сигнал прошёл, но с задержкой. Она вдохнула, и это движение отозвалось слабостью.

Эмма медленно села, упершись ладонями в поверхность под собой, и на мгновение замерла, позволяя себе просто чувствовать, прислушиваться, пытаться понять, что происходит вокруг.

Вокруг стояла абсолютная тишина.

В памяти вспыхнуло всё: вода., холод, резкое ощущение падения, Сара и Лили.

Мысли пришли почти болезненно, и сердце тут же ускорило, отзываясь на всплеск тревоги.

Эмма поднялась на ноги.

Пол под босыми ступнями был таким же гладким и холодным, как и всё остальное, и это ощущение усилило внутреннее напряжение.

Она сделала несколько шагов.

Каждое движение сопровождалось этим едва уловимым запаздыванием, и чем больше она двигалась, тем сильнее это раздражало, потому что тело должно было быть продолжением её воли, а не отдельной системой с собственными задержками.

— Где я?.. — тихо сказала она, и её голос прозвучал глухо.

Ответа не было.

Эмма медленно повернула голову, вглядываясь в пространство, пытаясь уловить хоть какое-то движение, хоть малейшее отклонение от этой идеальной неподвижности, но всё оставалось прежним.

Дверь открылась так, что она даже не услышала момента, когда это произошло.

Просто в какой-то момент в комнате появилась женщина.

Она стояла на расстоянии нескольких шагов, и в её присутствии было что-то настораживающее, что нельзя было сразу назвать, но невозможно было игнорировать.

— Вы пришли в сознание, — произнесла она ровным голосом, в котором не было ни удивления, ни облегчения, ни даже формальной вежливости.

Эмма смотрела на неё, не отвечая сразу.

— Где моя подруга? — спросила она наконец, и её голос стал твёрже, несмотря на внутреннюю неуверенность.

Женщина выдержала короткую паузу, настолько точную, что она больше походила на заранее рассчитанный интервал, чем на реальное раздумье.

— Она находится под наблюдением.

Эмма сделала шаг вперёд, и в этот момент особенно остро почувствовала это странное несоответствие между собой и своим телом, которое не успевало за её намерением так, как должно было.

— Я хочу её видеть.

— В данный момент это невозможно.

Эмма сжала руки, чувствуя, как внутри начинает подниматься раздражение, смешанное со страхом, потому что это место не просто не давало ответов — оно не допускало саму возможность их получить.

— Что вы со мной сделали?

Женщина слегка наклонила голову, и это движение было настолько выверенным, что казалось запрограммированным.

— Вам оказана необходимая помощь.

— Это не похоже на помощь, — тихо, но жёстко ответила Эмма, не отводя взгляда.

На секунду, очень короткую, ей показалось, что в глазах женщины что-то изменилось, но это ощущение исчезло так же быстро, как появилось, не оставив уверенности в том, что оно вообще было.

— Следуйте за мной, — сказала женщина и слегка повернулась к двери.

Это не было предложением.

Эмма поняла это сразу.

Она не стала спорить, потому что уже чувствовала, что здесь любые попытки сопротивления будут бессмысленными, но внутри неё что-то сжалось, напряглось, готовясь к чему-то, что она ещё не могла назвать.

Они вышли в коридор.

И первое, что она почувствовала — это снова та же идеальность, доведённая до пугающей степени.

Свет был везде и нигде одновременно, он не имел источника, не отбрасывал теней, не создавал глубины, превращая пространство в нечто плоское, лишённое привычных ориентиров.

Стены были гладкими, почти отражающими, и в них время от времени появлялись встроенные панели, на которых двигались линии и цифры, меняющиеся с такой плавностью, что это больше напоминало дыхание, чем работу техники.

Люди проходили мимо.

Сначала Эмма не могла понять, что именно её настораживает, но потом заметила это — движения, походка, ритм шагов, даже паузы между ними были похожими, согласованными, как будто каждый из них двигался по одной и той же невидимой схеме.

Она остановилась.

Один из проходящих мимо мужчин посмотрел на неё, и этот взгляд не содержал в себе ничего привычного человеческому восприятию, в нём отсутствовали не только эмоции, но и сама привычка на них реагировать.

В этом взгляде не было ни интереса, ни даже усталости, которая обычно остаётся в людях даже тогда, когда они стараются её скрыть, и от этого отсутствие становилось не пустотой, а отдельным, осязаемым состоянием, которое давило сильнее любого выраженного чувства.

Только присутствие, читающее её так же, как считывают предметы или данные, не давая увиденному ни значения, ни веса, и именно это делало момент настолько странным, что внутри Эммы что-то неприятно сжалось.

Он отвернулся и пошёл дальше с той же точностью движений, словно факт её существования не был зарегистрирован ни в одной внутренней системе восприятия, и в этот момент Эмма почувствовала, как холод внутри становится глубже, и ей пришло ясное понимание, что она не просто оказалась в чужом месте, её здесь уже заранее не учитывали, как часть реальности.

Эмма медленно вдохнула и почти сразу уловила в воздухе тот самый запах — сладковатый, едва заметный, и теперь он не просто ощущался, а узнавался, как что-то уже однажды запомнилось, хотя сама она не могла вспомнить, когда именно впервые столкнулась с ним.

Тело отреагировало быстрее мыслей: сердце резко ускорило ритм, дыхание стало глубже и резче.

— Что это за запах?.. — спросила она, и собственный голос показался ей чужим на фоне этой тишины.

Женщина даже не замедлилась, не обернулась, не оставила ни малейшей паузы для уточнений.

— Очистка воздуха.

Ответ прозвучал так же ровно, как всё здесь. Без пояснений, без попытки что-то скрыть или объяснить.

Эмма нахмурилась.

Из-за приоткрытой двери донеслись голоса. Сначала они сливались с общим гулом помещения, но через секунду стало ясно: за дверью шёл разговор, не предназначенный для посторонних.

Она невольно замедлила шаг.

Женщина продолжала идти вперёд — спокойно, размеренно, будто была уверена, что Эмма последует за ней. Между ними осталось всего несколько шагов, и этого расстояния хватало, чтобы сделать выбор: догнать её или задержаться у двери.

— ...две выжили.

— Да.

— Соответствие выше ожидаемого.

Пауза прозвучала особенно отчётливо, и в ней был лёгкий звук, похожий на перелистывание данных или переключение параметров, речь шла не о людях, а о результатах, которые можно сравнивать и использовать.

— Подбор был верным.

И в этот момент холод внутри Эммы перестал быть просто ощущением и начал двигаться, медленно и настойчиво, поднимаясь выше, тело само пыталось отстраниться от услышанного, пока сознание ещё не успело принять его полностью.

— Они не случайны.

— Разумеется.

Короткая тишина, в которой не было сомнений, и именно она оказалась страшнее самих слов, потому что звучала как подтверждение давно принятого решения.

— Эти были отобраны.

Сердце ударило сильнее, и этот удар уже не был просто реакцией, а стал точкой, после которой всё внутри Эммы перестало оставаться прежним, будто какая-то невидимая граница оказалась пересечена окончательно.

— А третья?

Следующая фраза прозвучала почти спокойно, без оттенка значимости, как технический уточняющий вопрос, не требующий эмоционального включения.

— Потери допустимы.

Эмма шагнула назад, стараясь не шуметь. Даже собственное дыхание казалось громким, точно это место улавливало любое отклонение от установленного порядка.

Дальше слушать она не стала и быстрым шагом пошла вперёд, догоняя женщину. Услышанного хватило.

Пугало не то, что их нашли и привели сюда. Хуже было другое: кто-то заранее знал, чем всё закончится. Роли уже были распределены, потери — просчитаны.

И тогда Эмму впервые по-настоящему накрыло осознание: они оказались здесь не случайно. Их выбрали задолго до того, как они поняли, что стали частью чужого эксперимента.

От этой мысли внутри похолодело.

Вместе со страхом пришло другое чувство. Она здесь не просто случайный свидетель. Что-то в её присутствии выбивалось из системы.

Либо ошибка, которую не заметили.

Либо часть замысла, смысл которого ей пока не открыли.

Чем дольше Эмма стояла среди этой стерильной, безупречной тишины, тем сильнее ощущение становилось почти физическим.

Воздух будто сгустился.

Она невольно задержала дыхание и провела языком по пересохшим губам.

Казалось, само здание присматривается к ней, подстраивается, считывает каждый вдох, каждое движение глаз.

В этой безмолвной внимательности было что-то живое — но не человеческое. Холодное, точное, лишённое сомнений.

И от этой мысли по спине медленно пробежал холодок: она больше не просто находилась внутри этого места.

Она становилась частью его схемы.

Глава 11.

Эмма не знала, кто все эти люди, и от этого становилось только страшнее.

Она догнала женщину и вскоре оказалась в больничной палате. Её усадили на холодный край койки. Всё происходило быстро, почти механически.

Женщина в перчатках привычным движением затянула жгут на её руке.

Эмма даже не успела задать вопрос.

Страннее всего было другое: она не сопротивлялась.

Где-то внутри тревожно звенела мысль, что нужно отдернуть руку, встать, потребовать объяснений. Но тело оставалось неподвижным. Будто между ней и происходящим опустили прозрачную перегородку, приглушив страх и притупив резкость мыслей.

Холод иглы обжёг кожу.

Тонкая трубка быстро наполнилась густой тёмной кровью. Эмма не сводила с неё взгляда.

Когда пробирка заполнилась, женщина сняла её, положила на металлический поднос и наклеила узкую белую полоску.

Эмма машинально подалась вперёд.

На этикетке рядом с её именем стоял короткий код: Е-17. Ниже — круг, разделённый тонкой линией. Одна половина закрашена, другая оставалась пустой.

Женщина задержала взгляд на пробирке, словно сверяясь с понятным только ей реестром, и тут же убрала её.

— Это просто анализ, — спокойно сказала она.

Теперь эти слова прозвучали почти издевательски.

Позже, очнувшись в палате и услышав обрывки чужого разговора, Эмма поняла: всё было решено заранее.

Это осознание обрушилось ледяной тяжестью. Всё вокруг — палата, люди, их спокойные голоса — вдруг показалось частью чужого, давно подготовленного сценария.

Она вышла из палаты и пошла по коридору, стараясь держаться спокойно.

Но растерянность исчезла. Её место заняла настороженная собранность.

Теперь Эмма замечала всё: размеренный шаг людей, одинаково плавные повороты, слишком точные паузы у дверей. В этом месте не было случайных движений.

Ощущение наблюдения не отпускало. Только дело было не в камерах и не в чужих взглядах. Казалось, само пространство отмечает её присутствие, запоминает шаги, считывает дыхание.

И самое тревожное — никто не пытался её остановить.

Ни один человек не спросил, куда она идёт. На неё лишь скользили пустые взгляды и тут же отводились в сторону.

От этого по спине пробежал холодок.

Если бы она нарушала правила, кто-то уже вмешался бы. Значит, её маршрут тоже был предусмотрен.

Эмма свернула в боковой коридор, проверяя эту догадку.

Ничего не изменилось. Те же гладкие стены, тот же приглушённый свет, та же выверенная тишина, в которой даже шаги звучали глухо, будто пол проглатывал их.

Она оглянулась, надеясь поймать хотя бы один живой, заинтересованный взгляд.

Ничего.

Только спокойные лица и пустая, почти механическая отрешённость.

И тогда её пронзила новая мысль.

За ней не просто наблюдали.

Её вели.

Эмма остановилась и машинально сжала пальцы в кулак.

Она не знала, где искать Лили, но внутри крепло странное чувство: путь уже выбран за неё, а ей остаётся только идти вперёд.

Она пошла дальше. Несколько поворотов — и ещё одна остановка. Перед ней была обычная дверь, ничем не отличающаяся от десятков других в этом бесконечном коридоре. Но здесь «обычное» давно перестало существовать.

Она не могла объяснить, почему остановилась именно у этой двери.

Что-то внутри настойчиво подсказывало: сюда.

Эмма шагнула ближе и вдруг почувствовала, что в коридоре она не одна.

Медленно подняв взгляд, она увидела в дальнем конце силуэт.

Высокая неподвижная фигура чётко выделялась на фоне ровного белого света. Человек не двигался, не приближался, просто стоял, слишком спокойно даже для этого места.

От этого по коже пробежал неприятный холодок.

Эмма всматривалась, пытаясь различить лицо, но расстояние скрывало детали. Только собранная, уверенная поза.

На миг ей показалось, что этот человек почему-то важен. Мысль мелькнула и тут же исчезла, не успев оформиться.

Она не узнала его, и потому почти сразу отвернулась, резко переведя взгляд на дверь.

Пальцы коснулись ручки.

Дверь бесшумно открылась. Комната была залита мягким светом.

Лили сидела на кровати.

Эмма замерла в проёме. Сердце вдруг ударило так сильно, что отозвалось в висках.

После всего случившегося даже это могло оказаться очередной иллюзией.

— Лили... — выдохнула она.

Лили подняла голову.

В её глазах мелькнуло непонимание, затем — медленное, осторожное узнавание.

— Эмма? — голос прозвучал тихо, чуть хрипло.

Эмма подошла ближе и села рядом, внимательно вглядываясь в её лицо, пытаясь отыскать следы того, что могло объяснить происходящее.

— Ты помнишь, что было, как мы тут оказались? — спросила она.

Лили нахмурилась, взгляд её на миг рассеялся, она пыталась ухватить ускользающее воспоминание.

— Я помню... падение, — медленно произнесла она.

— Воду... холод... и... Сару...

Последнее слово прозвучало неслышно, но от этого стало только тяжелее.

Эмма кивнула.

— Я тоже помню, но всё как будто размыто, будто кто-то... стёр часть.

Лили провела рукой по лицу, затем по запястью, проверяя себя.

— Да, — тихо сказала она.

Пауза повисла в воздухе.

— Ты заметила, что здесь... всё как-то правильно? — спросила Лили.

— Да, — ответила Эмма.

— И ещё... меня никто не остановил, когда я вышла из этой комнаты, но я испугалась и вернулась сюда, тихо сказала Лили.

Эмма взглянула на неё внимательнее.

— Меня тоже никто не остановил.

И в этот момент обе они поняли одно и то же, но ни одна не произнесла этого вслух.

Их не просто не остановили. Им позволили.

Эмма на секунду отвела взгляд в сторону и заметила на стене у входа небольшую табличку с техническими данными, настолько будничную и неприметную, что в любой другой ситуации она не задержалась бы на ней даже на мгновение, но сейчас её внимание зацепилось само, что-то внутри уже заранее знало, что именно туда нужно посмотреть.

На белой полоске ровными чёрными буквами значилось: Лилиана Уитмор, 21 полный год.

Ниже — короткий код: A5.

И символ. Круг, перечёркнутый тонкой линией.

Такой же Эмма уже видела раньше, только теперь он был полностью закрашен.

От этого внутри мгновенно похолодело.

Она ещё не успела понять почему, когда в комнату снова вполз знакомый запах — сладковатый, стерильный, слишком правильный, чтобы быть естественным.

Он распространялся медленно, заполняя пространство так ровно, будто сам воздух подчинялся чьему-то приказу.

Эмма резко втянула носом воздух и напряглась.

Щёлкнул замок.

Дверь распахнулась.

В комнату вошли люди в противогазах.

Их движения были быстрыми, точными, без единого лишнего жеста — отточенными до пугающего совершенства.

— Что происходит?.. — начала было Лили, но не успела договорить.

Эмма резко встала, но тело уже не слушалось. Движения стали замедленными, будто между импульсом и действием возникла непреодолимая пауза.

— Нет... — выдохнула она.

Лили попыталась подняться, но ноги подкосились, и она снова опустилась на кушетку, судорожно хватая воздух, который становился всё более вязким.

Комната начала расплываться.

Мысли начали терять чёткость, и Эмма почувствовала, что даже попытка сосредоточиться требует усилия, которое с каждой секундой становится всё менее достижимым, хотя внешне всё оставалось прежним, и именно эта несоразмерность пугала сильнее всего.

Она повернула голову к Лили, уже чувствуя, как движения становятся чуть более вязкими, но Лили выглядела почти так же, лишь её взгляд стал рассеянным, менее собранным, как у человека, который пытается удержать мысль, но она ускользает раньше, чем успевает сформироваться.

И в этот момент Эмма снова посмотрела на табличку, пыталась запомнить хоть что-то постоянное в происходящем, но цифры и символы уже начали расплываться, становясь менее значимыми, хотя внутреннее ощущение тревоги, наоборот, усиливалось, не находя выхода.

Лили что-то сказала, но слова уже не складывались в смысл, они существовали где-то рядом, не достигая понимания, и Эмма почувствовала, как тело постепенно перестаёт подчиняться с той же лёгкостью, с какой подчинялось раньше.

Последним более-менее чётким образом стала ровная белизна комнаты и спокойные, выверенные силуэты людей в противогазах, которые не двигались хаотично, не суежились, а просто стояли, наблюдая не за процессом, а за его завершением, и в этом отсутствии спешки было что-то окончательное.

И странным образом вместе с потерей контроля пришло не сопротивление, а тихое, навязанное извне спокойствие, похожее на то, как если бы кто-то аккуратно приглушил внутренний шум, оставив только ровную, почти пустую тишину.

Эмма медленно открыла глаза, с трудом выныривая из тяжёлого, вязкого состояния, в котором не было ни снов, ни воспоминаний, только глухая пустота, оставившая после себя неприятное давление в висках. Эмма лежала неподвижно несколько секунд, вслушиваясь в собственное дыхание, в тишину комнаты, в привычные звуки дома, и именно эта привычность казалась ей сейчас подозрительной, потому что всё было на месте, так, как должно быть.

Она медленно села, прижав ладонь к виску, и на мгновение закрыла глаза, потому что боль пульсировала глубоко, внутри что-то пыталось пробиться наружу, но не находило выхода.

— Что за... — тихо выдохнула она, не столько ожидая ответа, сколько пытаясь зацепиться за звук собственного голоса.

Мысли не складывались в чёткую цепочку, они будто скользили мимо друг друга, не соединяясь, оставляя после себя странное ощущение недосказанности, словно важная деталь была где-то рядом, но ускользала каждый раз, когда она пыталась на ней сосредоточиться.

Эмма встала и подошла к окну, отдёрнув штору автоматически, как делала это каждый день, и взгляд её сразу нашёл знакомый силуэт — лаборатория стояла на своём месте, тёмная, неподвижная, молчаливая, как всегда, и всё же сегодня в ней было что-то другое, неуловимое, что не поддавалось формулировке, но оставляло внутри лёгкое напряжение.

Она потянулась за телефоном, лежавшим на тумбочке, и на секунду замерла, глядя на экран, пыталась вспомнить, зачем именно он ей понадобился, но это ощущение быстро растворилось, уступив место привычному действию, и она открыла чат.

Их общий чат — три имени, всегда три, неизменная константа, в которой не должно было быть пустых мест.

Эмма написала первой, почти не задумываясь:

— Вы уже проснулись?

Ответ пришёл почти сразу, как будто ничего и не менялось.

— Да, я уже встала, ты как? — ответила Лили.

Эмма едва заметно улыбнулась, читая сообщение, потому что в нём была та самая привычная интонация, за которую можно было зацепиться, как за доказательство того, что всё в порядке.

— Нормально, только голова немного болит.

— У меня тоже, наверное погода или что-то такое.

Эмма быстро набрала следующее сообщение, даже не задумываясь:

— Сара где?

Ответ не пришёл сразу. Появились три точки, исчезли, появились снова, и это короткое ожидание почему-то показалось ей длиннее, чем должно было быть.

— Не знаю, она не отвечала с утра.

Эмма нахмурилась, но тревога так и не возникла, её место заняло лёгкое раздражение, потому что это было как никогда похоже на Сару — исчезать без объяснений, не отвечать, а потом появляться так, будто ничего не произошло.

Она вышла из чата и нажала на контакт, поднеся телефон к уху, вслушиваясь в гудки, которые тянулись дольше обычного, становясь с каждой секундой всё более навязчивыми.

Эмма на мгновение задержала телефон у уха, надеялась, что связь всё же восстановится, что сейчас раздастся щелчок и знакомый голос Сары нарушит эту странную паузу, но этого не произошло, и тогда она, не давая себе времени на лишние мысли, быстро нашла в списке контактов домашний номер, почти автоматически, как делала это уже не раз в похожих ситуациях, когда Сара пропадала, не предупреждая.

Гудки здесь были короче, ровнее, и ответ пришёл почти сразу.

— Алло?

Голос был знакомым, взрослым, спокойным, с той самой лёгкой усталостью, которая всегда в нём присутствовала.

— Миссис Уайлдер? Это Эмма.

— Эмма, дорогая, здравствуй.

В голосе Миранды Уайлдер была мягкость, но в ней всегда чувствовалась едва уловимая отстранённость.

— Я хотела спросить, Сара дома? Я не могу до нее дозвониться.

— Нет, она уехала.

— Уехала? — переспросила Эмма, чуть нахмурившись.

— Да, рано утром, оставила записку, сказала, что поехала к отцу.

Эмма медленно выдохнула, и напряжение, если оно и было, растворилось почти сразу, потому что это объяснение идеально укладывалось в привычную картину мира.

— Понятно. Спасибо.

— Если она объявится, скажите ей, чтобы перезвонила мне.

— Конечно.

Звонок закончился, и Эмма опустила телефон, не находя в происходящем ничего настоящего странного, потому что всё выглядело логично, настолько, что не оставляло пространства для сомнений.

Она подошла к зеркалу и на секунду остановилась, ожидая увидеть в отражении что-то иное, но увидела себя — привычную, знакомую. Её лицо было спокойным, с чёткими, но не резкими чертами, с аккуратной линией скул и губами, которые редко оставались полностью неподвижными, потому что она привыкла выражать эмоции даже в мелочах. Глаза были серо-зелёные, меняющие оттенок в зависимости от света, сейчас казались чуть темнее, чем обычно, возможно из-за усталости или из-за той странной тяжести в голове, которая не проходила. Она смотрела на себя долго, пытаясь понять, что именно кажется не так, но не находила ответа.

Она провела взглядом по своим волосам, мягко лежащим на плечи, собрала их в хвост, привычным движением, и в этот момент её пальцы задели кожу за ухом.

Она замерла.

Ощущение было странным — не боль, не дискомфорт, а лёгкая шероховатость, как будто поверхность кожи изменилась, стала немного другой.

Эмма машинально провела пальцами ещё раз, уже внимательнее, нащупывая тонкий, знакомый контур.

Шрам.

Он был там всегда, сколько она себя помнила, настолько привычный, что она перестала его замечать, как перестают замечать дыхание или собственное отражение, и именно поэтому сейчас это ощущение показалось ей странным — не потому, что шрам появился, а потому, что он ощущался иначе, чуть грубее, чуть чётче, будто стал более выраженным.

Она на мгновение задержала пальцы, нахмурившись, но почти сразу отпустила, не придав этому значения, потому что в этом не было ничего нового, ничего, что требовало бы внимания, и это ощущение так же быстро растворилось, как и возникло.

Эмма отвернулась от зеркала и продолжила собираться, цепляясь за привычные действия так, словно они могли вернуть ощущение контроля.

Но тревога не уходила.

Она оставалась где-то глубоко внутри — тихая, настойчивая, похожая на едва заметный сдвиг.

Эмма медленно опустилась на край кровати и провела ладонями по лицу.

Закрыла глаза.

Хотелось вытолкнуть из головы липкое беспокойство, заставить мысли замолчать хотя бы на несколько минут, но стоило ей замереть, как боль в висках вспыхнула сильнее.

Комната оставалась тихой, а собственные мысли звучали в этой тишине почти оглушительно.

В какой-то момент усталость оказалась сильнее желания разобраться.

Эмма тяжело выдохнула, сняла с плеч уже накиннутую кофту и снова легла, натянув одеяло до подбородка.

Всего час.

Этого должно было хватить, чтобы голова прояснилась и всё снова стало нормальным.

Но даже закрывая глаза, она продолжала чувствовать это странное внутреннее смещение.

Что-то уже изменилось.

И произошло это без её участия.

Глава 12.

Следующий день начался очень странно, ровно. Не спокойно — именно ровно, как будто его заранее выровняли, убрав всё, что могло бы выбиться из линии.

Эмма проснулась и несколько секунд просто лежала с открытыми глазами. В комнате всё было на месте, даже свет падал так же, как вчера.

Она медленно села, провела ладонью по лицу и только тогда заметила, что в доме внизу уже кто-то двигается. Голоса родителей звучали приглушённо и привычно.

И всё же внутри у неё оставалось ощущение, что утро началось не с нуля, а с продолжения чего-то, что она не помнит.

Завтрак прошёл так, как проходят сотни других завтраков. Отец листал новости на планшете, периодически комментируя что-то вслух, не ожидая ответа, мать стояла у плиты, двигаясь быстро и привычно, каждое её действие было давно отработано, и всё это выглядело настолько нормальным, что Эмма на мгновение поймала себя на мысли, что, возможно, всё остальное — это просто её воображение, усталость.

— Ты сегодня дома? — спросила мать, даже не оборачиваясь.

— Да, наверное, — ответила Эмма, опускаясь на стул и проводя пальцами по поверхности стола, будто проверяя, насколько реальным является это утро.

— Хорошо, тебе стоит отдохнуть, — добавил отец, не отрываясь от экрана.

Эмма кивнула, хотя никто этого не увидел, и взяла кружку, делая глоток.

Разговор за столом шёл спокойно и размеренно, переходя от одной простой темы к другой без резких пауз и лишнего напряжения, словно каждый из них говорил не столько для того, чтобы что-то обсудить, сколько чтобы поддержать это привычное, домашнее течение утра, в котором слова не требовали особой глубины, а сами диалоги складывались легко и естественно, не оставляя после себя ни тяжести, ни необходимости возвращаться к сказанному.

После завтрака она поднялась в свою комнату и некоторое время просто ходила из угла в угол, не зная, чем себя занять, потому что привычные вещи вдруг перестали приносить ощущение нормальности.

Она взяла телефон и открыла список контактов, почти сразу находя имя Лили.

Гудки длились недолго.

— Алло?

Голос Лили был тише обычного, в нём появилась какая-то рассеянность, которую Эмма сразу заметила.

— Привет, ты как?

— Нормально... наверное, — ответила Лили после небольшой паузы, но сама не была уверена в своих словах.

Эмма нахмурилась, но постаралась, чтобы это не отразилось в голосе.

— Может, встретимся? Прогуляемся, просто... подышим воздухом.

Лили снова замолчала, и эта пауза показалась чуть длиннее, чем должна была быть.

— Я не хочу сегодня никуда идти, — тихо сказала она.

— Чувствую себя как-то странно... устала, наверное.

Эмма сжала телефон сильнее, чем нужно, но сразу же расслабила пальцы.

— Ладно, тогда отдыхай, — спокойно ответила она.

— Да... ты тоже.

Они попрощались, и разговор закончился, оставив после себя ощущение незавершённости, будто было сказано меньше, чем хотелось.

Эмма некоторое время смотрела на экран, затем вышла из контакта и почти автоматически открыла другой.

Итан.

Его имя выглядело близким, и в то же время сейчас между ними появилась невидимая дистанция, которую она не могла объяснить.

Она смотрела на номер, не нажимая на кнопку вызова, ждала, что решение придёт само, но оно не приходило, и в какой-то момент она просто заблокировала телефон и отложила его, так и не позвонив.

День тянулся медленно, растворяясь в мелочах, которые не оставляли после себя следа.

В какой-то момент Эмма решила занять себя чем-то простым и привычным, тем, что не требует мыслей, и ушла в душ, позволяя тёплой воде стекать по коже, в этом медленном, равномерном шуме можно было растворить остатки тяжести в голове и на время перестать прислушиваться к собственным ощущениям. Она стояла под струями, не торопясь, наблюдая, как капли собираются и соскальзывают вниз, и в этом почти механическом процессе было что-то успокаивающее, возвращающее ощущение нормальности через простые, понятные действия.

После душа она устроилась у себя в комнате с набором для маникюра, аккуратно раскладывая инструменты перед собой, как делала это уже десятки раз, и начала медленно приводить ногти в порядок, сосредотачиваясь на деталях, на форме, на ровности линий, на том, как лак ложится на поверхность. Это занятие требовало терпения и точности, и именно поэтому помогало удерживать внимание, не давая мыслям расползаться в стороны, заставляя сосредоточиться на простых, контролируемых действиях. В какой-то момент, внимательно рассматривая ногти, она вдруг заметила под ними тонкие частички тёмной грязи, которые не должны были там остаться после душа, и на секунду замерла, проводя по ним инструментом медленнее, чем раньше, пытаясь понять, откуда они могли взяться, но почти сразу отогнала эту мысль, списав всё на невнимательность, и продолжила, стараясь не возвращаться к этому ощущению тревоги.

Ближе к вечеру Эмма почувствовала усталость, но не ту, что приходит после долгого дня и легко снимается отдыхом, а другую — она накапливалась где-то внутри, постепенно заполняя пространство между мыслями и ощущениями, и именно поэтому, устроившись на кровати и позволив себе просто закрыть глаза на несколько минут, она сама не заметила, как провалилась в сон, который сначала не имел ни формы, ни содержания, а был лишь плотной, почти осязаемой темнотой.

Эта темнота не пугала, но в ней не было ничего живого, и спустя некоторое время в ней начали медленно проявляться очертания, сначала едва различимые, возникающие из глубины, а затем всё более чёткие, складывающиеся в пространство, которое она узнала сразу, хотя никогда не видела его таким.

Это была лаборатория, но не та, что стояла за окном её комнаты, молчаливая и отстранённая, а её внутренняя часть, лишённая привычной дистанции, реальная, чтобы оставаться просто образом.

Коридоры тянулись вперёд бесконечной линией, уходя вглубь, и свет в них был холодным, он существовал сам по себе, не освещая, а подавляя пространство, делая его плоским, выверенным до такой степени, что в нём не оставалось ни случайности, ни живого дыхания.

Эмма шла вперёд, не задавая вопросов и не пытаясь остановиться, потому что в этом движении не было выбора, было только ощущение необходимости, будто сам путь уже был определён задолго до того, как она сделала первый шаг.

Где-то впереди, на границе видимости, мелькнула фигура, и это движение сразу привлекло её внимание, заставляя ускорить шаг, хотя расстояние между ними почти не сокращалось.

Сара стояла спиной, неподвижно, вписанная в это пространство так же, как и стены, и Эмма попыталась позвать её, но голос не проявился.

Когда Сара медленно обернулась, в этом движении не было резкости, но именно в нём что-то изменилось, потому что лицо осталось знакомым, узнаваемым до мельчайших деталей, и в то же время в нём появилось что-то чужое, едва уловимое, но достаточное, чтобы разрушить ощущение близости, оставляя после себя холодное, почти физическое ощущение отстранённости.

За её спиной, в глубине коридора, появился ещё один силуэт, сначала размытый, почти неразличимый, но с каждой секундой он становился чётче, обретая форму.

Эмма не знала, откуда это знание, но имя возникло сразу, без сомнений, оно уже было внутри неё.

Артур.

И вместе с этим именем появилось ощущение, которое невозможно было однозначно определить, потому что в нём не было ни страха, ни доверия, а только напряжение.

Он смотрел на неё, и этот взгляд не был пустым, в нём не было безразличия, но и привычных человеческих эмоций в нём тоже не было, потому что казалось, что он видит не только её здесь и сейчас, но и всё, что с ней связано, всё, что уже произошло и ещё только должно произойти.

В этот момент пространство вокруг дрогнуло, линии начали терять чёткость, свет стал ярче, переходя границу, за которой он перестаёт быть просто светом и начинает давить, вытесняя всё остальное.

Сон начал распадаться, и Эмма резко открыла глаза, возвращаясь в свою комнату, где всё было на месте, но дыхание сбилось, сердце билось быстрее, а ощущение сна не исчезло полностью, оставаясь внутри, как остаточное эхо.

Она перевернулась на бок, закрыла глаза, пытаясь снова погрузиться в сон, но он больше не приходил, потому что мысли стали громкими, а ощущения насыщенными, чтобы позволить себе снова потерять контроль.

Тогда она встала, почти сразу, не давая себе времени сомневаться, и, не включая основной свет, на ощупь прошла к столу, но затем всё же щёлкнула выключателем, позволяя мягкому свету заполнить комнату, и достала альбом и карандаши, это было единственное, что сейчас могло дать выход тому, что внутри не находило слов.

Сначала линии были неуверенными, разрозненными, рука двигалась медленнее мыслей, не успевая за ними, но постепенно движения становились быстрее, и в какой-то момент она перестала осознавать сам процесс, позволяя ему происходить без участия контроля, как будто то, что она рисует, уже существовало внутри и просто находило форму.

Линии пересекались, ломались, уходили вглубь, создавая ощущение пространства, в котором не было чётких границ, только намёки на коридоры, на формы, на фигуры, которые не имели лиц, но при этом казались присутствующими, почти живыми, и свет в этой картине не освещал, а наоборот, усиливал тени, делая их плотнее, глубже, именно в них сосредоточено всё главное.

Часы проходили незаметно, время теряло значение, растворяясь в этом непрерывном движении, и только когда за окном начал появляться первый бледный свет, Эмма остановилась, что-то внутри неё наконец отпустило.

Пальцы были испачканы графитом, дыхание стало ровным, но внутри оставалась странная, тихая пустота, не пугающая, но ощутимая, как будто часть напряжения вышла, но не исчезла полностью.

Она откинулась назад и посмотрела на рисунок.

Картина была абстрактной, в ней не было чётких форм или завершённых образов, но при этом в ней ощущалась структура, скрытая логика, которая не поддавалась объяснению, но была понятна на уровне чувств.

Тёмные линии переплетались, создавая ощущение глубины, из которой проступали фрагменты пространства, напоминающего лабораторию, но не буквально, а скорее через ощущение — холод, отстранённость, контроль, подавляющий любую живую случайность.

Свет в этой работе не был источником. Он давил, разрывал композицию на части.

Тени, наоборот, собирали её воедино — сходились в центре, который нельзя было разглядеть прямо, но невозможно было игнорировать.

Эмма долго смотрела на рисунок.

Сначала — просто взглядом.

Потом стало труднее отвести глаза.

Появилось тихое, неоформленное понимание: это не просто картина.

В ней было что-то знакомое. Не мысль — ощущение.

Как будто она уже знала это напряжение, но не могла вспомнить откуда.

И от этого становилось не по себе

Лили долго лежала с закрытыми глазами, не двигаясь, пытаясь убедить себя, что сон всё-таки придёт, если просто перестать думать и позволить телу расслабиться, но мысли, наоборот, становились только навязчивее.

Она перевернулась на бок, затем снова на живот, уткнулась лицом в подушку, сжала её пальцами, будто это могло остановить внутреннее напряжение, которое не имело чёткой причины, но ощущалось ясно, чтобы его игнорировать, и в какой-то момент резко провела руками по волосам, сжимая голову, пытаясь удержать себя в реальности, которая вдруг начала казаться зыбкой.

И именно тогда её пальцы наткнулись на что-то чужое.

Движение замерло.

Она не сразу поняла, что именно почувствовала, потому что это ощущение было неожиданным, чтобы сразу принять его как часть собственного тела, но затем, уже медленнее и осторожнее, почти боясь собственного подтверждения, она снова провела пальцами за ухом и на этот раз ощутила отчётливо тонкую, шероховатую линию, едва заметную на ощупь, но совершенно чуждую по самой своей природе, потому что она точно противоречила её памяти о собственном теле, в котором никогда не было ничего подобного.

Лили на мгновение замерла, она думала, что любое лишнее движение могло изменить то, что она только что обнаружила, и затем, с какой-то растерянной поспешностью, которая не была до конца осознанной, потянулась за телефоном.

Она включила камеру, не настраивая ничего специально, просто поднесла экран к себе так, чтобы запечатлеть участок кожи, и, задержав дыхание, сделала снимок, после чего несколько секунд просто смотрела на экран, не решаясь сразу открыть изображение, от этого зависело, станет ли это реальностью окончательно.

Когда она всё же открыла фотографию, изображение оказалось чётким в своей детализации, и на фоне привычной линии шеи и волос действительно была видна тонкая отметина за ухом, не похожая на обычный шрам и не похожая на случайное повреждение кожи, а скорее на что-то аккуратно оставленное, и от этого ещё более тревожное.

Сердце мгновенно ускорилося, дыхание стало поверхностным, сбивчивым, и Лили резко села, прижимая ладонь к этому месту, пытаясь убедиться, что это ошибка, но ощущение не исчезло, наоборот, стало только явственнее, закрепляясь в сознании холодным, неприятным фактом.

— Нет... — тихо выдохнула она, сама не до конца понимая, кому именно это говорит — себе или тому, что происходило.

Комната вдруг показалась тесной, воздух — тяжёлым, и мысль о том, чтобы просто остаться здесь, в этой тишине, наедине с этим ощущением, стала невыносимой, настолько, что

она даже не стала раздумывать, быстро поднялась, накинула на себя куртку, не заботясь о том, как выглядит, и почти сразу вышла из дома, словно единственным правильным решением было двигаться, не останавливаясь, не давать страху закрепиться окончательно.

Город встретил её ночной прохладой, тихими улицами и редким, рассеянным светом фонарей, который ложился на асфальт длинными, вытянутыми полосами, создавая ощущение пустоты и одновременно странного покоя, в котором не было людей, шума, только редкие звуки далёких машин и шорох ветра, проходящего между деревьями.

Лили шла быстро, не задумываясь о направлении, позволяя ногам вести себя вперёд, и только спустя некоторое время заметила, что оказалась в парке, куда редко заходила ночью, но сейчас это место показалось единственным, где можно было остановиться, не чувствуя давления стен и замкнутого пространства.

Она подошла к лавочке, стоящей под старым деревом, ветви которого едва заметно колыхались от ветра, отбрасывая на землю размытые тени, и медленно села, обхватив себя руками, пытаясь удержать тепло, хотя холод был не столько внешним, сколько внутренним, растекающимся где-то глубоко, в самой середине.

— Не спится?

Голос прозвучал неожиданно, и Лили вздрогнула, повернув голову.

Итан стоял в нескольких шагах от неё, чуть в стороне, он не хотел вторгаться резко в её пространство, и выглядел так же, как всегда, но в ночном свете его лицо казалось чуть более серьёзным.

— Можно сказать и так, — тихо ответила она, пытаясь вернуть голосу привычную ровность, хотя внутри всё ещё оставалось напряжение.

Он сделал несколько шагов и сел рядом, не слишком близко, оставляя между ними небольшое расстояние, которое, однако, не казалось отстранённостью, скорее — вниманием к её состоянию.

— Я тоже вышел просто... проветриться, — сказал он, чуть пожав плечами, как будто это объяснение было достаточным, хотя в его голосе было что-то большее, чем просто случайность.

Некоторое время они молчали, и это молчание не было неловким, но и не было полностью спокойным, в нём чувствовалась невысказанность, которая постепенно становилась всё ошутимее.

— Как учёба? — спросила Лили, потому что это был самый простой вопрос, который не требовал погружения в то, что происходило внутри.

Итан чуть усмехнулся, опуская взгляд.

— Как обычно, — ответил он, — много всего, но вроде справляюсь. А ты?

— Тоже... нормально, — сказала она, но на последнем слове голос чуть дрогнул, и этого оказалось достаточно, чтобы он заметил.

Он повернулся к ней чуть сильнее, всматриваясь внимательнее, чем раньше.

— Лили, — тихо произнёс он, — что-то не так.

Это не был вопрос.

И, возможно, именно поэтому она не смогла сразу ответить, потому что в этих словах было много понимания, много прямоты, которая не оставляла возможности спрятаться за привычными ответами.

Она отвела взгляд, сжала пальцы сильнее, пытаясь удержать эмоции под контролем, но они уже начали выходить наружу.

— Я не понимаю, что со мной происходит, — наконец сказала она, и голос стал тише, — у меня ощущение, будто что-то... не так, но я не могу объяснить, что именно.

Слова давались тяжело, но остановиться уже было невозможно.

— Я сегодня... — она замолчала на секунду, собираясь с мыслями, — я почувствовала... что-то странное, и это...

Она не договорила, потому что голос сорвался, и в следующую секунду слёзы выступили сами, без возможности их сдержать.

Итан не сказал ничего лишнего, не стал задавать вопросов, которые могли бы только усилить напряжение, он просто придвинулся ближе и осторожно обнял её, позволяя ей спрятать лицо у него на плече, и это простое, человеческое действие оказалось важнее любых слов.

Лили сжала его куртку пальцами, не пытаясь остановить слёзы, потому что в этот момент это было невозможно, и, возможно, впервые за весь вечер почувствовала, что не одна в этом состоянии, что есть кто-то, кто просто рядом, без попыток всё рационализировать.

— Всё будет хорошо, — тихо сказал он, и в его голосе не было уверенности, основанной на фактах, но была та самая искренность, которая иногда важнее любых доказательств.

Постепенно она начала успокаиваться, дыхание выровнялось, слёзы стихли, оставляя после себя усталость, и Лили отстранилась, проводя рукой по лицу, пытаясь вернуть себе контроль.

— Прости, — тихо сказала она.

— Не за что, — ответил он спокойно, чуть покачав головой.

Они ещё немного посидели в тишине, но теперь она была другой, более мягкой, менее напряжённой, и в какой-то момент Лили поднялась.

— Мне, наверное, лучше домой, — сказала она, и он сразу встал вслед за ней.

— Я провожу, — просто сказал он, и она не стала спорить.

Они шли молча, но это молчание уже не давило, а, наоборот, помогало сохранить то хрупкое спокойствие, которое постепенно возвращалось, и когда они подошли к её дому, Лили остановилась у двери.

— Спасибо, — тихо сказала она, глядя на него.

— Обращайся, — ответил он с лёгкой улыбкой, но взгляд его оставался серьёзным.

Она кивнула, развернулась и вошла внутрь, закрывая за собой дверь, и только когда щёлкнул замок, Итан остался один, не двигаясь сразу, продолжая смотреть на эту дверь, ведь за ней осталось что-то важное, что он не хотел упускать из виду.

Он стоял так ещё несколько секунд, затем медленно выдохнул, проводя ладонью по затылку, и в этом почти незаметном жесте было больше, чем простая усталость после случайной встречи, потому что теперь внутри него оформилось то, чему раньше он не позволял даже приблизиться к чёткой мысли, и это осознание было как факт, который уже невозможно отодвинуть обратно.

Лили была ему небезразлична, и в этом не было внезапного открытия или эмоционального всплеска, скорее это ощущение просто перестало оставаться фоном и впервые стало чем-то, что можно было назвать прямо, без попытки спрятать за привычной дистанцией, и именно это делало его взгляд на закрытую дверь таким неподвижным и внимательным, словно за ней оставалось не просто чужое пространство, а что-то, к чему он теперь не мог относиться равнодушно.

Глава 13.

Эмма проснулась резко, её не разбудили, а вырвали из глубины, где она находилась долго, и первые несколько секунд она лежала неподвижно, не открывая глаз, потому что не могла понять, где именно находится, и главное — кому принадлежит это состояние, в котором она сейчас оказалась, потому что сердце билось быстро, дыхание сбивалось, а в голове всё ещё звучали голоса, спокойные, ровные, лишённые эмоций, и самое страшное заключалось в том, что она узнала их сразу.

Когда она всё же открыла глаза, свет лампы показался ей резким, он не освещал комнату, а вторгался в неё, выталкивая остатки сна наружу, но этот сон не уходил, не растворялся, как это обычно бывает, а оставался рядом, почти осязаемый, и Эмма, медленно приподнявшись, села на край кровати, обхватив себя руками, точно это могло помочь ей удержаться в реальности, которая внезапно перестала казаться устойчивой.

В голове всё ещё звучали обрывки фраз, интонации, паузы, и чем больше она пыталась восстановить последовательность увиденного, тем сильнее оно ускользало, оставляя после себя не пустоту, а наоборот — ощущение, что что-то важное только что было у неё в руках, но она не смогла удержать это до конца, и именно это вызывало то липкое, тянущееся чувство страха, которое не имело чёткой формы, но постепенно заполняло всё пространство внутри.

И вдруг, почти внезапно, как вспышка, в сознании мелькнул другой образ — короткий, размытый, но яркий, чтобы его можно было игнорировать.

Вода.

Холодная, тёмная, лишённая движения, застывшая, и в этой воде — Сара.

Её лицо было бледным, неподвижным, губы чуть приоткрыты, но дыхания не было, и Эмма на секунду почувствовала, как внутри всё сжимается, потому что это было не просто воспоминание и не просто страх, а что-то между, не имеющее чёткого объяснения, и так же резко этот образ исчез, его выдернули из её сознания, оставив после себя только ощущение пустоты и лёгкого головокружения.

— Что это... было?.. — тихо выдохнула она, но слова прозвучали глухо.

Она провела рукой по лицу, пытаясь вернуть себе ощущение тела, реальности, последовательности, но мысли продолжали скользить, не закрепляясь, и тогда она заставила себя вспомнить сон.

Она лежала на холодной поверхности, и это ощущение холода не просто касалось кожи, а проникало глубже, и тело постепенно теряло чувствительность, переставая принадлежать ей полностью, и она пыталась пошевелиться, хотя бы повернуть голову, но не могла, потому что между её желанием и действием существовала непреодолимая граница.

Свет бил прямо в глаза, и сколько бы она ни пыталась отвернуться, это было невозможно, потому что контроль над собственным телом исчезал не сразу, а постепенно, его забирали по частям, оставляя ей только сознание, запертое внутри.

Сначала она слышала шаги, после были голоса.

И в тот момент, когда они приблизились достаточно, чтобы различить их, внутри что-то оборвалось, потому что она узнала их быстро, точно, чтобы это можно было списать на страх или воображение.

Сара стояла рядом.

В белом халате, идеально чистом, без единой складки, и её лицо было спокойным, лишённым всего, что могло бы напоминать о прошлом, о знакомстве, о том, кем она была для Эммы раньше.

Лили находилась чуть дальше, но это расстояние не делало её менее причастной, потому что её взгляд был сосредоточенным, точным, внимательным до такой степени, что казалось,

она видит не только тело перед собой, но и что-то глубже, что-то, что не поддаётся обычному взгляду.

Они переглянулись.

И в этом движении было что-то отработанное, привычное, как будто это происходило уже не первый раз.

— Она подходит, — сказала Сара ровным голосом, в котором не было ни сомнения, ни тени колебания.

— Начинаем перезапись, — ответила Лили так же спокойно, и эти слова прозвучали так, словно речь шла о чём-то обыденном, давно понятном и не требующем объяснений.

Эмма пыталась сказать хоть что-то, чтобы они остановились, чтобы они посмотрели на неё иначе, чтобы в их взгляде появилось хоть что-то знакомое, но из её горла не вырвалось ни звука, и это было самым страшным — не невозможность двигаться, а невозможность быть услышанной.

— Сара, это я... — она пыталась сказать, и ей казалось, что слова существуют, что они формируются внутри, но не доходят до них, между ними стояла невидимая стена, отсекающая всё человеческое.

Сара посмотрела на неё.

И в этом взгляде не было узнавания, не было даже намёка на прошлое.

— Вы ошиблись, — произнесла она, и эти слова прозвучали как окончательный приговор, не требующий подтверждения.

И именно в этот момент всё оборвалось.

Эмма резко открыла глаза.

Комната была той же, но ощущение не исчезло. Она провела руками по лицу, по плечам, по рукам, проверяя, может ли двигаться, может ли дышать, может ли чувствовать своё тело, и только когда убедилась, что контроль вернулся, позволила себе сделать глубокий вдох, но даже это не помогло избавиться от ощущения, что за ней всё ещё наблюдают, просто теперь — из темноты, из того пространства, которое нельзя увидеть напрямую.

Она встала не сразу, потому что ноги казались чуть тяжелее, чем обычно, но всё же поднялась и подошла к окну, отодвигая штору ровно настолько, чтобы увидеть улицу, и какое-то время просто смотрела вниз, пытаясь зацепиться за любую деталь, которая могла бы вернуть ей ощущение нормальности.

Люди шли по тротуару, кто-то разговаривал по телефону, кто-то спешил, кто-то оставался, и всё выглядело обычным, и именно это не успокаивало, а наоборот усиливало внутреннее напряжение, потому что внутри неё происходило что-то, что не вписывалось в эту картину.

Один из прохожих на секунду остановился.

Просто на мгновение... это выглядело так, что он забыл, куда идёт.

И затем продолжил движение.

Это было почти незаметно, но Эмма заметила.

Она нахмурилась, внутри уже появилось то самое чувство, которое она не могла игнорировать, потому что оно возвращалось снова и снова, становясь всё более чётким.

Она отошла от окна и медленно опустилась на край кровати, снова прокручивая в голове услышанные слова.

— Начинаем перезапись...

Она произнесла их вслух, тихо, почти шёпотом, и от собственного голоса по коже прошёл холод.

Эмма снова и снова возвращалась мыслями к лицу Сары, к тому выражению, которое казалось безупречно спокойным, выверенным до пугающей точности, и именно в этом спокойствии было что-то чуждое, потому что оно не содержало ни тени привычной живости, ни

малейшего намёка на те эмоции, которые раньше всегда проскальзывали даже в самых сдержанных её реакциях.

И это уже не выглядело как естественное изменение, не напоминало ни взросление, ни усталость, ни попытку скрыть чувства, потому что в этом новом выражении не осталось ни одной знакомой детали.

— Это просто сон, — сказала Эмма вслух, но слова прозвучали тихо, неуверенно, она сама не верила в то, что говорит.

Телефон на тумбочке завибрировал резко.

Эмма вздрогнула, медленно повернула голову в сторону источника звука и на несколько долгих секунд просто замерла, глядя на экран, не двигаясь и даже не пытаясь сразу протянуть руку, потому что внутри вдруг возникло странное, трудно объяснимое сопротивление, не похожее на страх в привычном смысле, а скорее на нежелание нарушать это хрупкое, странное состояние, в котором она всё ещё находилась, любое действие могло окончательно закрепить реальность, к которой она пока не была готова.

На экране высветилось имя Итана, и в тот же момент её накрыла совсем иная мысль, не имеющая ничего общего ни со сном, ни с лабораторией, ни с тем холодным, тянущимся изнутри ощущением чужого присутствия, которое всё ещё не отпускало её, а направленная только на него — на то, что между ними было, на то, к чему она так долго отказывалась приглядываться, само внимание могло разрушить хрупкое равновесие, в котором она жила.

Она смотрела на его имя дольше, чем требовалось для простого, почти автоматического решения — ответить или нет, и с каждой секундой это молчаливое промедление начинало наполняться тяжестью, потому что вместе с ним поднималось чувство, которое она знала хорошо, чтобы перепутать, но при этом долго отталкивала, не позволяя ему оформиться окончательно, не давая себе права назвать его прямо.

Это было не внезапное осознание, а медленное, тянущееся из глубины понимание, которое всегда было где-то рядом, на границе её мыслей, но каждый раз, когда оно приближалось близко, она отворачивалась, цеплялась за привычные слова и действия, лишь бы не довести эту мысль до конца, потому что знала — если она позволит себе однажды сформулировать это честно, без попытки смягчить или изменить, обратно дороги уже не будет.

Она любила его.

Но за этим всегда стояло другое.

То, что она не позволяла себе произнести даже мысленно до конца.

Потому что каждый раз, когда она приближалась к этому, внутри возникал барьер, почти физическое сопротивление, сама её психика не хотела пропускать эту правду дальше, не хотела, чтобы она стала окончательной.

Она любила его... Но не так.

И именно эти слова — короткие, почти простые — оказались самыми тяжёлыми, потому что в них разрушалось всё то, что она так долго считала реальным.

Она даже сейчас не смогла проговорить это до конца внутри себя, мысль обрывалась, распадалась, ей не хватало сил удержать её целиком, и от этого становилось только хуже, потому что отрицание больше не работало, но и принятие ещё не было возможным.

Рядом с Итаном она чувствовала спокойствие, ощущение надёжности, ту самую устойчивость, которая обычно воспринимается как основа чего-то настоящего, не боясь, что всё разрушится от одного неверного движения, и именно это делало ситуацию ещё сложнее.

Но при этом в ней не возникало того отклика, который невозможно подделать, того внутреннего движения, которое сбивает дыхание, заставляет терять контроль над мыслями, делает другого человека не просто важным, а необходимым на уровне, который не поддаётся объяснению, и это отсутствие ощущалось не как пустота, а как тихое, постоянное несовпадение, которое она раньше игнорировала, но теперь уже не могла не замечать.

И от этого ей стало почти физически больно, потому что это было не только про неё, не только про её чувства или их отсутствие, а про него тоже, про ту невидимую несправедливость, которую она создавала, оставаясь рядом, принимая его тепло, его внимание, его присутствие, не имея возможности ответить тем же в полной мере.

Телефон продолжал вибрировать, настойчиво, возвращая её к необходимости сделать выбор, к простому действию, которое в любой другой момент не потребовало бы ни секунды размышлений, и она понимала, что может ответить, сказать что-то привычное, сохранить ту линию, по которой их отношения двигались всё это время, не разрушая ничего честным признанием.

Но она не ответила, потому что в этот момент она действительно не знала, что именно скажет, и любое слово показалось бы либо ложью, либо началом чего-то, к чему она ещё не была готова.

Звонок оборвался, оставив после себя тишину, которая теперь уже не казалась нейтральной, а, наоборот, стала тяжёлой, почти давящей, в ней сосредоточилось всё то, что осталось несказанным.

Эмма медленно опустила телефон обратно на тумбочку, провела рукой по волосам, задержав пальцы на виске, и глубоко вдохнула, пытаясь вернуть себе ощущение контроля, но внутри уже оформилось то самое чувство, которое невозможно было свести к простому беспокойству или усталости, потому что в нём было что-то более точное, более направленное, почти как знание, которому ещё не нашли слов.

Эмма не стала задерживаться в этой мысли дольше необходимого, инстинктивно отодвигая её на второй план, и, возвращаясь к привычному порядку действий, умылась холодной водой, позволяя ей окончательно разогнать остатки тяжёлого утреннего состояния, затем переоделась в простую белую футболку, чёрные джинсы и любимые кеды, которые всегда давали ощущение устойчивости и привычной реальности, и, чуть задержавшись у зеркала, нанесла лёгкий макияж, скорее по привычке, чем из желания что-то изменить в своём отражении, после чего медленно спустилась вниз, чтобы позавтракать с родителями, стараясь держаться за этот знакомый, обыденный ритм, который хотя бы внешне возвращал день в понятные и безопасные рамки.

На кухне родители разговаривали о самых обычных, повседневных вещах, в которых не было ни напряжения, ни малейшего намёка на что-то выходящее за пределы привычного уклада, и их голоса звучали так же спокойно и естественно, как и всегда, будто день ничем не отличался от любого другого и не требовал никакого особого внимания.

Мать Эммы — Кэтрин Хортон производила впечатление женщины, которая всегда держит внутренний порядок, даже если вокруг него может быть обычная повседневная усталость, и в её внешности это тоже читалось очень мягко и ненавязчиво. У неё были светло-русые волосы, которые она чаще всего собирала в аккуратный низкий хвост или небрежный пучок, из которого всё равно выбивались тонкие пряди у лица, и спокойные серо-голубые глаза с внимательным, чуть задумчивым взглядом, в котором почти всегда чувствовалась уравновешенность, и привычка сначала наблюдать, а уже потом делать выводы. Она предпочитала простую, чистую одежду в светлых и нейтральных оттенках — рубашки, мягкие кардиганы, иногда строгие платья без лишних деталей, и в этом было что-то очень домашнее и собранное одновременно, её жизнь всегда выстроена в понятную систему, даже если внутри неё иногда появляется усталость, которую она не показывает.

Отец Эммы — Майкл Хортон был более сдержанным по характеру и внешне производил впечатление человека, который говорит меньше, чем думает, и привык опираться на логику и наблюдение, а не на эмоции. У него были тёмные волосы с лёгкой проседью на висках, коротко подстриженные, и глубокие карие глаза, в которых редко можно было увидеть яркое выражение чувств, но всегда чувствовалась внимательность и сосредоточенность, он постоянно анализи-

рует происходящее, даже если внешне просто сидит за столом или читает новости. Он предпочитал простую одежду — рубашки спокойных тонов, часто с закатанными рукавами, тёмные брюки или джинсы, и в его движениях было что-то ровное и уверенное, без лишней суеты, как у человека, который привык держать контроль над деталями, не делая из этого показного усилия.

Эмма смотрела на них дольше, чем обычно, в их поведении было что-то необычное, а скорее из-за собственного внутреннего состояния, которое заставляло её искать несоответствия даже там, где их не было, но чем внимательнее она вглядывалась, тем яснее понимала, что всё остаётся ровным, знакомым и абсолютно обычным, и именно это спокойствие начинало вызывать в ней странное, тихое напряжение, потому что не давало ни одной зацепки, за которую можно было бы уцепиться и объяснить себе собственные ощущения.

— Как у тебя дела в университете? — спросил отец, не поднимая глаз от чашки, произнося это так, как произносил, вероятно, уже сотни раз, без ожидания чего-то необычного в ответе.

Эмма на мгновение отвела взгляд, словно пытаясь собрать мысли в более цельную форму, и пожала плечами, не сразу находя точные слова, хотя сам вопрос был простым и привычным.

— Всё нормально, — ответила она наконец, чуть медленнее, чем обычно, — просто иногда появляется ощущение, что всё как—то... непривычно, хотя я даже не могу объяснить, с чем это связано.

Мать посмотрела на неё мягче, спокойно, без тревоги, скорее с вниманием и лёгким участием, как это делала всегда, когда речь заходила о её состоянии или усталости.

— Наверное, ты просто устала, — сказала она без давления, не делая из этого вывода чего-то окончательного, скорее как естественное предположение.

Отец кивнул, не отрываясь от чашки, и эта мысль была вполне логичной и не требовала дальнейшего обсуждения.

— Университет у всех иногда вызывает такое ощущение, — добавил он спокойно, — просто нужно немного выдохнуть и дать себе время.

Кэтрин поставила перед Эммой тарелку с яичницей и стакан апельсинового сока, и на секунду задержала на ней взгляд, спокойно спросила, не поднимая голоса:

— Кстати, Итан давно у нас не был, у вас всё нормально?

Вопрос прозвучал без давления, скорее как мягкое наблюдение, чем попытка вмешаться, и Кэтрин уже вернулась к своим делам у плиты, не придавая этому особого значения, но в этой будничной интонации всё равно чувствовалась привычная материнская внимательность, которая замечает детали, даже если не делает из них выводов вслух.

Эмма на мгновение замерла, чуть сильнее сжав вилку, чем нужно, потому что вопрос оказался простым и одновременно личным в своей простоте, и ей пришлось обычного подбирать ответ, выравнивая внутри себя интонацию, чтобы она не выдала ничего лишнего.

— Да, всё нормально, — ответила она наконец спокойно, чуть пожав плечами, стараясь, чтобы голос звучал ровно и привычно, — просто он сейчас занят, у него много дел в университете, как и у всех.

Она сделала паузу и чуть мягче добавила, опуская взгляд в тарелку, и это объяснение само по себе должно было закрыть тему:

— Думаю, скоро зайдёт.

Разговор плавно ушёл в сторону — к простым, ничего не значащим темам.

Ни на чём он не задерживался.

Эмма не прерывала его и не пыталась направить — в этом не было смысла.

Но внутри осталось тихое ощущение: всё, что она говорила, быстро растворялось, не оставляя ни ответа, ни подтверждения.

И дело было не в них.

В ней самой.

Мысли не удерживались. Соскальзывали, не находя точки опоры, за которую можно было бы зацепиться.

Эмма вышла из дома чуть раньше обычного и почти автоматически дошла до университета. Улицы и прохожие не задерживались в её внимании — мысли всё ещё были где-то между сном и реальностью.

У главных ворот она остановилась.

Как всегда, здесь они встречались втроём — она, Лили и Сара — и вместе шли на занятия. Это давно стало привычкой, почти молчаливым правилом, которое никто не обсуждал.

Эмма стояла у входа, наблюдая за потоком студентов и время от времени поглядывая на телефон.

Прошло десять минут. Потом ещё.

Лили не появлялась.

Обычно она приходила вовремя или хотя бы писала сообщение.

Ещё через десять минут Эмма поняла, что ждать дальше бессмысленно.

Она убрала телефон и медленно пошла к корпусу, чувствуя лёгкое, смутное беспокойство — не тревогу, скорее сбой в привычном порядке вещей.

Внутри здания коридоры уже заполнялись студентами, и Эмма, почти не замедляя шага, подошла к своему шкафчику, который, как обычно, с трудом поддавался, и несколько раз провернула ключ, чувствуя знакомое раздражение от этой мелкой, но упорной неисправности.

— Опять заедает?

Голос Итана прозвучал рядом неожиданно спокойно, и Эмма подняла взгляд, чуть вздрогнув от того, что не заметила его приближения, а он стоял рядом, слегка опершись на стену, будто пришёл сюда не специально, а просто оказался поблизости.

— Я тебе звонил, — добавил он уже тише, внимательно глядя на неё, — ты почему не брала трубку?

Эмма на секунду замялась, чувствуя, как этот простой вопрос неожиданно выбивает её из привычной уверенности, и опустила взгляд к шкафчику, именно он мог стать удобным поводом для паузы.

— Я... не слышала, наверное, — ответила она наконец, стараясь, чтобы голос звучал естественно, хотя сама понимала, что объяснение получилось простым.

Итан хотел сказать что-то ещё, но в этот момент его окликнули из конца коридора, и он, чуть повернув голову, коротко ответил, а затем снова посмотрел на Эмму.

— Слушай, — сказал он уже быстрее, но всё так же спокойно, — вечером нам нужно поговорить. Просто встретимся, ладно? Что-то происходит, и я хочу это обсудить.

Он не стал уточнять, что именно, и в его голосе не было давления, только уверенность в том, что этот разговор неизбежен, после чего его снова позвали, и он, бросив на неё короткий взгляд, развернулся и ушёл по коридору.

Эмма проводила его взглядом ещё несколько секунд, затем выдохнула, только сейчас заметив, что задерживала дыхание, и, наконец справившись с замком, закрыла шкафчик и направилась в аудиторию.

Лили уже сидела внутри, немного ближе к середине ряда, спокойно разложив перед собой тетрадь.

Эмма на мгновение остановилась, не сразу понимая, почему это выглядит странно, и подошла ближе, чуть наклонившись к ней.

— Ты почему меня не подождала? — спросила она тихо, скорее из привычки, чем из упрёка.

Лили подняла на неё взгляд, и в этом взгляде на секунду мелькнуло что-то, что Эмма не смогла сразу распознать, не то растерянность, не то странное, отстранённое спокойствие.

— Мне нужно было сдать доклад, — ответила Лили после короткой паузы, чуть сдержанно, — я пришла пораньше.

Эмма нахмурилась, но постаралась не придавать этому значения, хотя внутри всё равно появилось лёгкое ощущение несоответствия, которое она пока не могла объяснить.

— Можно было написать, — сказала она мягче, садясь рядом.

— Извини, — спокойно ответила Лили, чуть опуская взгляд.

Эмма кивнула, не развивая тему, и в этот момент в аудиторию вошёл преподаватель.

Лекцию по современному искусству вела женщина, лет 40, по имени Маргарет Соуэлл — строгая, аккуратная, с короткими тёмными волосами и внимательным взглядом, в котором всегда чувствовалась привычка замечать детали, а не общее впечатление. Она говорила спокойно, почти без пауз, но в её речи была чёткая структура, каждое слово заранее выверено и расставлено на своё место, и сегодня она рассказывала о восприятии формы и смысла в современном искусстве, о том, как зритель часто достраивает реальность картины сам, проецируя на неё собственные переживания, и как иногда именно этот внутренний отклик становится важнее самого изображения.

Она приводила примеры современных художников, говорила о том, как пространство и пустота могут работать сильнее цвета и линии, и Эмма слушала вполуха, время от времени делая пометки, хотя часть её внимания всё равно оставалась рассеянной, она одновременно находилась и в аудитории, и где-то ещё.

В какой-то момент дверь аудитории приоткрылась, не нарушая общего течения лекции и не заставляя студентов сразу оторваться от записей, но само появление Артура Вейла всё равно изменило плотность воздуха в помещении, хотя внешне в этом не было ничего явного или театрального, только спокойная уверенность движения человека, который не пытается заявить о себе, потому что и без этого занимает в пространстве своё, заранее определённое место.

Он вошёл и на секунду лекция действительно замерла не из-за его фигуры, а из-за того, как Маргарет Соуэлл, обычно продолжающая говорить даже в момент отвлечений, всё же остановилась, повернулась к нему и кивнула с тем сдержанным вниманием, которое используют люди, уже заранее понимающие смысл чужого появления.

Она произнесла его имя тихо, почти на границе слышимости, и он ответил ей так же спокойно, без лишней интонации, и в этом коротком обмене не было приветствия в привычном смысле, только сухая, отточенная точность двух людей, которые явно говорили о чём-то, что не предназначалось для посторонних ушей и взглядов.

Маргарет слегка наклонилась к нему, удерживая голос на уровне шёпота, и Артур слушал так, как слушают не из вежливости, а из внутренней необходимости, после чего так же коротко кивнул, поставил точку в разговоре, не требующем продолжения.

И только когда он уже развернулся, чтобы уйти, он на мгновение остановился у порога. Его взгляд задержался на Эмме всего на долю секунды дольше, чем на остальных, без выражения, но так, что отметил её присутствие отдельно от всех остальных точек в этом пространстве, после чего отвёл взгляд так же спокойно, как и посмотрел, и вышел, а дверь за ним закрылась мягко, уважительно к тишине, которая снова заняла всё помещение.

Глава 14.

Эмма вошла в аудиторию уже после начала следующего блока лекции, села на своё место рядом с Лили, стараясь вернуться в привычный ритм записей и слушания, хотя ощущение внутреннего несоответствия не исчезло.

Когда преподаватель сменил слайд и в аудитории на секунду стало темнее, Лили чуть откинулась назад, затем медленно подняла руку, будто собираясь что-то записать, но не довела движение до конца и вместо этого просто замерла, глядя вперёд так, как обычно смотрят не на предмет лекции, а сквозь него.

— Ты в порядке? — тихо спросила Эмма, почти не двигая губами, чтобы не привлечь внимания.

Лили повернулась к ней с небольшой задержкой, и затем кивнула ровно.

— Да. Просто немного голова болит.

Лекция продолжалась, но Эмма уже не слушала её так, как раньше, и когда Лили спустя несколько минут аккуратно закрыла тетрадь, словно завершив для себя какой-то внутренний этап, и тихо поднялась с места, Эмма даже не сразу поняла, что та собирается выйти.

— Я в туалет, — сказала Лили так же спокойно, не поворачиваясь полностью.

И вышла.

Движение было обычным, ничем не выделяющимся.

Но в нём не было привычной человеческой неровности — лишних взглядов, микропауз, случайных поправок шага.

Эмма задержала взгляд на Лили и вдруг поняла, что смотрит не на человека, а на точную последовательность действий, которая слишком идеально совпадает с тем, как должен двигаться человек.

Слишком идеально.

Она постояла ещё несколько секунд, затем поднялась и пошла следом, держась на расстоянии — не ускоряясь и не замедляясь.

Коридор быстро опустел. Шум лекции остался позади и растворился в плотной университетской тишине.

Лили свернула за угол.

Женский туалет.

Эмма остановилась у входа.

Внутри было тихо.

Лили стояла у раковины, не включая воду, и смотрела в зеркало.

Не двигаясь.

Эмма не окликнула её сразу.

Она просто наблюдала.

— Лили? — произнесла она наконец.

Отражение не сразу отреагировало.

Потом Лили медленно повернула голову.

— Да?

Эмма подошла ближе, не отводя взгляда.

— Ты странно себя ведёшь с самого утра.

Лили моргнула один раз, затем снова посмотрела в зеркало, проверяя собственное отражение не глазами, а чем-то другим, более внутренним, и только потом ответила:

— Я просто устала, голова раскалывается.

И в этот момент вода в кране, которую Лили всё-таки включила, потекла и этот звук неожиданно стал единственным, что удерживало пространство в привычной форме.

Эмма подошла ближе, задержавшись на секунду у раковины, ей нужно было убедиться, что это всё ещё тот же человек, с которым она разговаривала утром, а не просто продолжение разговора в другом положении пространства.

— Ты действительно странно себя сегодня ведёшь, — сказала она тише, чем собиралась, и это прозвучало не как упрёк, а как попытка нащупать привычное в том, что постепенно переставало на него походить.

Лили не сразу повернулась.

— В каком смысле? — спросила она наконец, и голос был ровным.

Эмма чуть нахмурилась, пытаясь подобрать слова так, чтобы не звучало глупо или надуманно.

— Ты... просто как будто не ты с утра, — сказала она наконец, не находя более точной формулировки, и сама почувствовала, насколько расплывчато это звучит, но отказываться от этого ощущения уже не могла.

Лили посмотрела на неё в зеркало, а не напрямую, и это движение само по себе показалось Эмме чуть запоздавшим.

— Я нормально себя чувствую, — сказала Лили после паузы, в которой не было поиска ответа, скорее согласование готовой фразы с ситуацией.

— Повторяю, я просто устала немного.

И добавила уже мягче, почти автоматически, с той интонацией, которую используют, когда хотят закрыть тему, не оставляя в ней зацепок:

— Бывает же.

Эмма не ответила сразу.

Она смотрела, как Лили убирает руки от раковины, как вытирает их о край одежды.

— Мы вчера с тобой обсуждали лекцию по искусству, — сказала Эмма наконец, не столько проверяя, сколько цепляясь за конкретный факт, который должен был удержать реальность на месте.

Лили чуть замерла.

И этого было достаточно.

Не выражение лица — именно пауза, короткая для сомнения и ровная для воспоминания.

— Вчера? — переспросила она спокойно, уточняя дату, а не сам факт разговора.

— Да, — сказала Эмма уже чуть увереннее, чувствуя, как внутри поднимается раздражение от того, что даже простые вещи начинают требовать доказательств.

Лили кивнула.

— Нет, — сказала она так же спокойно.

— Вчера я сразу ушла домой.

И снова посмотрела в зеркало, как будто этот разговор был чем-то внешним, не имеющим к ней отношения, уже завершённым по умолчанию.

Эмма почувствовала, как внутри что-то на секунду сбивается с привычного ритма, не страхом и не тревогой, а именно несостыковкой — тихой, но упорной, как ошибка в знакомой формуле.

Потому что она помнила.

Слишком ясно, чтобы это можно было перепутать.

Но сейчас это не совпадало ни с чем, что стояло перед ней.

И Лили, уже поправив волосы и выпрямившись, завершив разговор, добавила почти буднично:

— У тебя, наверное, просто всё смешалось. День был длинный.

И в этом предложении не было ни защиты, ни давления — только спокойная, оценка реальности, в которой Эмма почему-то оказывалась не до конца совпадающей с происходящим.

Эмма не сразу продолжила, давая себе несколько секунд, чтобы убедиться, что разговор не распался окончательно и ещё держится на чём-то общем, понятном обоим, и только потом, чуть тише, чем раньше, добавила:

— Ты помнишь, что завтра за день?

Лили повернулась к ней медленно, но с той же странной точностью движения, в которой не было лишней инерции.

— Что за день? — спросила она спокойно.

И в этом вопросе не было ни подсказки, ни попытки вспомнить, только пустое ожидание информации, что речь шла о чём-то, не имеющем личного значения.

Эмма чуть нахмурилась.

— День рождения Сары, — сказала она уже увереннее, потому что это было очевидно, чтобы сомневаться. — Ты ей звонила?

На секунду в лице Лили ничего не изменилось.

Не появилось ни узнавания, ни задержки, ни того привычного внутреннего «а, точно», которое обычно сопровождает забытые детали.

Только ровный взгляд.

— Нет, — ответила она наконец.

Эмма задержала дыхание на короткий момент.

— Странно, — тихо сказала она, больше себе, чем Лили, и опустила взгляд на раковину, пытаясь собрать мысль в более устойчивую форму.

— Сара вообще уже два дня не отвечает.

Она говорила уже спокойнее, но внутри это спокойствие не было таким же, потому что чем дальше, тем сильнее нарастало ощущение, что привычная последовательность событий начинает слегка смещаться, не ломаясь, а именно смещаясь — так, что заметно только при внимательном взгляде.

— Это на неё вообще не похоже, — продолжила Эмма, уже больше для логического закрепления факта, чем для разговора.

— - Она всегда либо отвечает сразу, либо хотя бы пишет, что занята. И день рождения... она же его всегда ждала, буквально с начала месяца говорила, что хочет, считала дни.

Она замолчала на секунду, а потом добавила тише, почти автоматически, как продолжение мысли, которая не требует подтверждения:

— Она бы не пропустила его просто так.

Лили стояла рядом, всё так же спокойно, и только её взгляд на долю секунды сместился в сторону.

— Может, она просто занята, — сказала Лили.

Фраза была логичной, но звучала так, как звучат объяснения, собранные не из опыта, а из набора стандартных вариантов, и именно это сделало её ещё более странной.

Эмма чуть покачала головой.

— Два дня? — тихо переспросила она.

— Это не похоже на «занята».

И впервые в её голосе появилось не раздражение и не тревога, а что-то более точное — ощущение, что привычная структура их жизни начинает терять мелкие, но важные связи, которые раньше казались настолько естественными, что их даже не приходилось замечать.

Лили не ответила сразу.

И эта пауза снова оказалась прямой, в ней не было процесса размышления — только ожидание следующей допустимой реплики.

Глава 15.

Лили вышла первой — почти сразу после короткой паузы, в которой не было ни согласия, ни конфликта, только ощущение незавершённого разговора.

Дверь закрылась за ней с обычным, бытовым звуком, не оставившим после себя ничего, за что можно было бы зацепиться.

Эмма задержалась на месте.

Она не собиралась оставаться — просто автоматически прокручивала в голове слова Лили, её интонации, движения.

Прошло несколько секунд, прежде чем она вышла следом.

Лили уже шла впереди, не оборачиваясь.

Обычной походкой.

Но Эмма всё равно смотрела на неё чуть дольше, чем нужно, будто сверяя то, что знает, с тем, что видит сейчас.

У лестницы они разошлись — как делали это десятки раз раньше, не задумываясь.

Лили привычно подняла руку в коротком жесте и ушла вверх по ступеням.

Эмма осталась на месте на мгновение дольше.

Шум коридора снова стал обычным.

Она сделала шаг вперёд — и этот шаг вышел чуть менее уверенным, чем должен был быть.

Сначала это было похоже на короткий провал восприятия — будто изображение перед глазами на мгновение потеряло резкость, а затем вернулось, но уже с другой глубиной.

И в этой глубине пространство коридора больше не совпадало с тем, в котором она стояла секунду назад.

Потом начали появляться образы.

Не сон и не фантазия — обрывки, вырванные из какой-то последовательности.

Без начала. Без объяснения. Просто факты, существующие отдельно.

Вода.

Холодная, неподвижная, слишком тёмная для отражений.

И в ней — Сара.

Не как человек, а как застывшее состояние, в котором исчезло движение.

Эмма попыталась удержать этот образ, но он становился только чётче — уже не воспоминанием, а чем-то окончательным, не помещающимся в память.

Следом — резкий фрагмент.

Экран.

Белый интерфейс. Строки.

И среди них — короткое: E17.

Никаких связей между этими образами не возникало.

Они просто накладывались друг на друга, как слои, которым не полагалось существовать одновременно.

Эмма резко остановилась.

Сначала просто замедлила шаг, затем полностью перестала двигаться, и в следующую секунду опора под ногами перестала ощущаться устойчивой, постепенно, как если бы тело теряло уверенность в том, что пространство остаётся тем же самым.

Она прислонилась к стене, не осознавая этого сразу, и только холод поверхности вернул ощущение физического контакта, но оно не помогло выровнять происходящее внутри.

Она медленно сползла вниз — не упала, а скорее перестала удерживать вертикаль.

Коридор остался тем же: обычным, нормальным для того, что только что произошло в её восприятии.

Голоса не исчезли, но стали далекими, будто приглушёнными водой. Шаги студентов проходили мимо, не задерживаясь.

Эмма почти решила, что сможет подняться сама.

И в этот момент пространство рядом изменилось.

Как меняется воздух, когда рядом оказывается человек, появившийся слишком вовремя, чтобы это можно было назвать случайностью.

Чья-то рука спокойно и точно легла ей под локоть — без давления, просто как опора.

Она не успела отреагировать сразу, потому что жест был не вторжением, и только когда её тело почувствовало опору, она поняла, что её поднимают.

Артур.

Он не сказал ничего лишнего, не задал вопросов в первую секунду, а просто помог ей выровняться, чтобы она перестала терять равновесие.

— Пойдём, — произнёс он спокойно, и это звучало не как приказ, а как просьба.

Эмма не успела уточнить, куда именно, потому что он уже сделал первый шаг, чуть повернув её в сторону, и ей пришлось последовать за ним скорее по инерции, чем по решению, хотя в этом движении не было грубого принуждения — только уверенность человека, который точно знает маршрут.

Коридор остался позади быстро, и дверь его кабинета закрылась так же тихо, как и открылась, оставляя внутри пространство.

Артур не отпустил её сразу, но и не удерживал дольше необходимого — он просто довёл её до стула, и только когда она села, прошёл к столу, налил воду и поставил стакан перед ней.

Эмма взяла стакан не сразу, потому что дыхание всё ещё не выровнялось до конца, и только спустя несколько секунд сделала небольшой глоток, ощущая холод воды как способ вернуть телу более точные границы.

Он наблюдал за ней молча, достаточно внимательно, чтобы это нельзя было назвать случайным взглядом.

— Что случилось? — спросил он наконец, спокойно, без давления, оценивая её состояние, а не требуя объяснений.

— Ты резко потеряла равновесие в коридоре.

Эмма опустила стакан чуть ниже и посмотрела на него поверх края, задержав взгляд, потому что в его присутствии было что-то, что не совпадало с её ожиданиями — спокойное включение в ситуацию, которая формально его не касалась.

— А вы вообще... — начала она медленно, подбирая формулировку так, чтобы она не звучала резко, — вы же не мой преподаватель напрямую, да? Почему вы вообще так... обращаете на это внимание?

Артур чуть наклонил голову, как человек, который принимает вопрос не как сомнение, а как уточнение рамок ситуации.

— Я преподаватель, — ответил он просто, без паузы, — и моя работа включает всех студентов, которые внезапно оказываются на полу в коридоре университета.

Последняя часть прозвучала настолько сухо и точно, что на мгновение даже само напряжение ситуации стало менее определённым, и Эмма, несмотря на остаточное головокружение, почти незаметно выдохнула — не как реакцию, а как сброс лишнего веса момента.

Она посмотрела на него внимательнее — и впервые в её взгляде исчезла попытка понять происходящее. Осталось только тихое принятие самого факта его присутствия.

Артур не отвёл глаз сразу.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

Без давления, без явного смысла — но с ощущением, что каждый понимает этот момент по-своему.

Потом он чуть заметно усмехнулся.

Не ей.

Ситуации.

Словно для него всё это было проще, чем выглядело со стороны.

— Ты всегда так реагируешь на помощь, или это сегодня исключение? — спросил он тише.

Эмма на секунду отвела взгляд в сторону, потому что в этом вопросе не было прямого ответа, который не выглядел бы либо простым, либо невероятно честным.

— Обычно я сама справляюсь, — сказала она наконец, чуть ровнее, чем раньше.

— Обычно люди тоже не падают в коридоре без причины, — ответил он сухо.

И в этот момент между ними возникло короткое напряжение, не конфликтное, а скорее смысловое — как столкновение двух разных норм того, что считается «обычным».

Эмма снова посмотрела на него и Артур выдержал этот взгляд спокойно, не отводя глаз, и в этой паузе не было давления.

Эмма ещё несколько секунд сидела в кабинете, держа стакан воды в руках, скорее по инерции, чем из необходимости, и только когда тишина между ней и Артуром перестала казаться просто отсутствием звука и стала чем-то более структурным, она почувствовала, что задерживается здесь уже долго.

Почему-то возникло странное, почти неуловимое ощущение неловкости, не связанное напрямую ни с его вопросами, ни с ситуацией в коридоре, а скорее с самим фактом того, что она сидит здесь, в пространстве, которое ей не принадлежит и которое при этом ведёт себя так, будто её присутствие здесь уже заранее учтено.

Она поставила стакан на стол.

— Всё в порядке, — сказала она спокойно, стараясь вернуть голосу привычную ровность, — спасибо за помощь мистер Вейл. Мне, наверное, уже пора.

Артур не стал её останавливать.

Эмма вышла из кабинета быстрее, чем планировала, и только когда дверь закрылась за ней, позволила себе чуть выдохнуть, не до конца понимая, от чего именно — от разговора, от его присутствия или от ощущения, что в этой короткой встрече было много несказанного, даже для простого эпизода.

Телефон завибрировал, резко выдернув её из этого состояния.

Итан.

«Жду тебя на нашем месте».

Эмма несколько секунд смотрела на экран, не открывая переписку снова. Потом убрала телефон в карман и развернулась к выходу.

Парк был недалеко.

Она всегда ощущала дорогу туда как переход — не между улицами, а между состояниями. Там обычно всё, что не было сказано, находило форму хотя бы в разговоре.

Лавочка под старым деревом стояла на месте, чуть в стороне от основных дорожек.

Итан уже был там.

Он сидел спокойно, как человек, который умеет ждать, не заполняя тишину лишними движениями.

Заметив её, он поднялся, без спешки, в своём привычном темпе.

— Ты долго, — сказал он спокойно, не как упрёк, а как констатацию.

Эмма села рядом не сразу, сначала просто остановилась на секунду, проверяя, действительно ли она сейчас здесь, и только потом опустилась на лавочку, чуть откидываясь назад и выдыхая и с этим выдохом отпускала часть накопленного напряжения.

Итан посмотрел на неё внимательно, без спешки.

— Что с тобой происходит в последнее время? — спросил Итан, но в этом вопросе не было случайности, только накопленное наблюдение.

Эмма на секунду отвела взгляд в сторону дорожки, где люди проходили мимо, не задерживаясь, и только после этого чуть качнула головой.

— Ты подумаешь, что я сошла с ума, — сказала она тихо, без попытки драматизировать, скорее как предупреждение перед тем, как нарушить собственную привычку молчания.

Итан не ответил сразу, просто ждал.

Эмма начала говорить через пару минут.

Сначала просто сидела, чуть откинувшись назад, глядя мимо Итана — туда, где дорожка уходила между деревьями.

Пыталась выстроить внутри последовательность событий, которая ещё утром казалась набором странных совпадений, а теперь требовала слов.

Словно без них могла распасться окончательно.

— Сначала Сара, — сказала она.

Имя прозвучало спокойно, но внутри сразу потянуло за собой то, что не укладывалось ни в одну привычную причину отсутствия.

Это не было ни усталостью, ни занятостью, ни её обычным исчезновением из общения.

Это было иначе.

Как обрыв.

Как будто что-то, что всегда двигалось по своей траектории, просто перестало продолжаться — без перехода между «было» и «нет».

Эмма замолчала и вдруг поймала себя на мысли, что не может точно вспомнить, когда в последний раз слышала её голос.

И это пугало больше всего.

Потому что память о Саре не исчезала — она становилась нечёткой там, где раньше всё было очевидно.

Потом Лили.

Здесь Эмма сделала короткую паузу, потому что сама формулировка начинала казаться ей расплывчатой, и любое слово звучало либо мягко, либо резко, не попадая точно в то, что она наблюдала.

Лили была рядом — в университете, в разговорах, в привычных действиях.

Но в её поведении стали появляться мелкие несостыковки.

Слишком короткая пауза перед ответом. Ровная интонация там, где раньше было живое звучание. Детали, которые она не помнила или не уточняла.

По отдельности это ничего не значило.

Но вместе складывалось в странное ощущение сдвига, которое невозможно было ни доказать, ни опровергнуть.

Не хватало точки опоры.

И самое неприятное было даже не в том, что Лили могла измениться.

А в том, что Эмма не могла понять, когда это началось.

Не было момента, который можно назвать началом.

Только постепенное смещение — настолько плавное, что оно успело стать привычным.

Эмма закончила говорить и на секунду замолчала.

Она посмотрела на Итана.

Он не перебивал, не задавал уточняющих вопросов. И это молчание было не пустым — скорее внимательным, он не оценивал её слова, а сверял их с чем-то своим, уже известным ему, но пока не произнесённым.

— С Лили... — добавила Эмма тише.

— Она изменилась, мне так кажется, но я не могу ничего понять.
Просто... она иногда отвечает не так, как отвечала раньше.

Итан слегка изменился в лице и не сразу ответил. Он чуть наклонил голову, он выбирал не слова, а тон, в котором их лучше произнести, чтобы они не прозвучали ни как попытка успокоить, ни как отрицание того, что она сказала.

— Да, - произнёс он наконец.

— Это звучит... действительно странно.

Он коротко выдохнул, и на секунду отвёл взгляд в сторону, туда, где движение людей в парке шло отдельно от их разговора, никак его не затрагивая.

— Но ты не сходишь с ума, Эмма, — добавил он спокойнее, без давления, скорее, как установка границы между тем, что она чувствует, и тем, что можно назвать реальностью.

— И это точно не то, что нужно пытаться разбирать в одиночку.

Он снова посмотрел на неё, уже прямо.

— Просто сейчас всё выглядит так... вещи не складываются. Но это не значит, что у них нет объяснения. Оно есть. Мы просто его ещё не видим.

Пауза получилась естественной.

Итан чуть качнул головой, подводя внутренний итог.

— Мы разберёмся, — сказал он тише, но увереннее.

— Хорошо? Вместе.

Эмма кивнула и улыбнулась.

Несколько секунд они просто сидели рядом, и шум парка снова стал обычным фоном, в котором всё сказанное выглядело почти неуместным.

Эмма выдохнула.

— Почему между нами вообще всё так стало? — произнесла она уже иначе, не про Лили и не про Сару, а про них.

— Мы же... мы ведь любили друг друга. А сейчас просто рядом существуем. Как соседи. Это что, и есть привычка?

Вопрос не звучал обвинением. Скорее попыткой понять, в какой момент близость перестала быть тем, чем она была раньше.

Итан откинулся назад, опираясь на спинку скамейки, и несколько секунд смотрел в сторону, прежде чем ответить.

— Я именно об этом и хотел с тобой поговорить, — сказал он спокойно.

— Просто не знал, как это сказать, чтобы ты не восприняла неправильно.

Эмма коротко усмехнулась — без иронии, скорее от узнавания.

— Я тоже боялась тебя обидеть.

Это прозвучало почти одновременно облегчением и признанием.

И на секунду между ними вернулось что-то простое — не прежнее, но знакомое. Они посмотрели друг на друга и тихо засмеялись, не над ситуацией, а над тем, как долго обходили очевидное.

Итан поднялся первым, Эмма — следом.

Они обнялись не спеша, без резких движений, в этом жесте уже не было попытки удержать прошлое, но оставалось простое признание того, что оно действительно было и никуда не исчезает.

Итан чуть задержался, потом мягко коснулся губами её щеки — быстро, как знак, который не требует продолжения.

И только после этого он сильнее прижал её к себе, так, как держат человека, который остаётся важным даже тогда, когда общая линия между людьми уже изменилась.

— Ты всегда будешь для меня одной из самых дорогих, — сказал он тихо.

— Я тебя правда очень люблю. И я всегда буду на твоей стороне, что бы ни произошло.

Эмма не сразу ответила.

Она только чуть крепче прижалась к нему, уткнувшись носом в его грудь, в этом коротком контакте можно было на секунду вернуть ощущение устойчивости.

— Я тоже, — сказала она наконец.

— Я тоже тебя люблю.

Без уточнений, без попытки разделить это чувство на формы и определения.

Они постояли так ещё несколько секунд, не торопясь разрывать контакт, а потом одновременно чуть отступили друг от друга с тем самым спокойным пониманием, что момент завершён.

И в тот момент, пока они ещё не разошлись окончательно, в голове Итана снова всплыло имя, которое он старался не впускать в этот разговор.

Лили.

Это не было решением и не было законченной мыслью — скорее коротким, навязчивым смещением внимания, как если бы сознание на секунду переставало принадлежать текущему моменту.

Он уже знал это чувство. Оно не возникло только сейчас, оно постепенно собиралось в нём последние дни, и теперь просто стало явным, чтобы его можно было игнорировать: он любил Лили.

И именно поэтому он почти сказал об этом Эмме.

Почти.

Слова уже были где-то рядом, на границе речи, но он остановил себя в последний момент - не из страха признания, а из-за понимания, что это не тот разговор и не то время, когда такие вещи можно помещать в пространство, которое только что закончилось честно и спокойно.

На мгновение его челюсти плотно сомкнулись, он запечатал это решение в глубине своей души.

Не сейчас.

Эмма уже сделала шаг в сторону, не оборачиваясь.

И он не остановил её.

И только теперь, в этой тихой, почти будничной разобщённости стало ясно, что между ними действительно что-то завершилось — не из-за того, что чувства исчезли, а потому что каждый из них оказался внутри другого направления, где прежняя близость уже не находила места.

Итан шёл, не ускоряя шаг. Слова Эммы о Лили не уходили — они не повторялись и не возвращались в памяти как цитата, они просто оставались в нём в виде точного несоответствия, как отметка, которую невозможно стереть, потому что она не про мнение и не про сомнение, а про совпадение с тем, что он уже видел сам, но отказывался складывать в единую форму.

Он остановился только у края дорожки, на секунду исчезла привычная линия между «идти дальше» и «остаться», и в этой паузе всё, что он пытался удерживать отдельно друг от друга, наконец соприкоснулось.

Лили не просто менялась.

Это не было наблюдением.

Это было знанием, которое он уже однажды видел в других условиях, в других людях, в других результатах — и каждый раз это знание заканчивалось одинаково, даже если формы были разными.

Он медленно выдохнул, и в этом выдохе не было колебаний — лишь спокойное принятие того, что выбор уже сделан и больше не требует усилий, потому что если Эмма права хотя бы в одном, то Лили уже не находится в состоянии, которое можно «понять» или «поймать вовремя».

Она находится внутри процесса.

И тогда всё, что он делал до этого момента, перестаёт быть нейтральным.

Итан слегка опустил взгляд, проверяя собственную мысль на допустимость, и впервые не отогнал её.

Если система снова запущена — значит, она уже выбрала носителя.

И он очень хорошо знал, что это значит.

На этот раз он не имеет права просто наблюдать.

Он выдохнул ещё раз, жёстче, и пошёл дальше — уже не как человек, который пытается разобраться, а как человек, который понял, что опоздал к началу и теперь должен хотя бы не опоздать к последствиям.

Глава 16.

После встречи с Итаном Эмма не сразу пошла домой.

Это решение не было осознанным — оно возникло как продолжение разговора, который уже закончился, но ещё не отпустил её полностью.

Резко возвращаться к привычному маршруту казалось неправильным.

Она шла медленнее обычного, почти без цели, позволяя городу просто проходить мимо.

Гул машин, редкие голоса, шаги прохожих — всё это существовало отдельно, не цепляясь за неё.

И на этом фоне начали всплывать дневные образы.

Сара. Лили. Итан.

Сначала разрозненно, как отдельные кадры.

Потом — с ощущением связи между ними, которую она пока не могла объяснить.

Не мыслью, а скорее направлением, которое только начинало появляться.

Человек на дорожке появился естественно, без резкого акцента на присутствие.

Он стоял чуть в стороне от основной дорожки. На нём был тёмный, почти нейтральный по оттенку плащ без лишних деталей, его лицо хранило абсолютное спокойствие — не маску, не застывшую гримасу, а именно внутреннее состояние, когда эмоции уже не ищут внешнего выражения. Нейтральность черт казалась незыблемой, неподвластной переменам обстановки, и только взгляд — внимательный, чуть отстранённый выдавал привычку сверять происходящее с некой внутренней меркой.

В волосах проступала лёгкая седина, но она не говорила о возрасте, а лишь подчёркивала впечатление человека, живущего по законам систем, где время отсчитывается не днями, а итогами. Его жесты были скупы и выверены: каждое движение казалось прошедшим внутреннюю цензуру на целесообразность, лишённым всего лишнего.

Когда она приблизилась, он повернул голову — без спешки, без удивления, с той точностью, что свойственна лишь заранее просчитанным действиям. В этом жесте не было случайности; скорее, он просто отметил её появление как неизбежный и уже учтённый факт.

— Эмма, верно? — произнёс он без интонации вопроса как сомнения.

Она остановилась на секунду.

— Да... — ответила она осторожно.

— Мы знакомы?

— Формально нет, — сказал он наконец.

— Но я знаю о тебе достаточно, чтобы это не было случайностью.

Слово «достаточно» прозвучало нейтрально, но именно эта нейтральность и сделала фразу плотнее, чем она должна была быть в обычном разговоре.

— Откуда? — уточнила Эмма.

Он посмотрел на неё внимательнее, не приближаясь и не отступая, сохраняя дистанцию, в которой не было ни угрозы, ни попытки установить контакт.

— Из мест, которые ты пока не связываешь между собой, — ответил он спокойно.

— Университет — только одно из них.

Пауза после этого ответа не требовала продолжения, но продолжение всё же появилось.

— Ты сегодня была у Артура Вейла.

Это не звучало как вопрос.

Эмма чуть напряглась, не меняя положения тела.

— Вы следите за мной?

Он слегка качнул головой.

— Я наблюдаю за системой, в которой ты сейчас находишься, — сказал он.

— Это не одно и то же.

И на этом месте в разговоре возникла тонкая граница, после которой обычные объяснения переставали быть уместными, хотя ни одно из произнесённых слов не выходило за рамки формальной речи.

— Кто вы? — спросила Эмма уже прямо.

Он не ответил сразу, и в этой задержке не было попытки скрыть информацию, скорее выбор момента, после которого любое имя становится не просто обозначением, а частью структуры.

— Люди называют меня по-разному, — сказал он наконец.

— Но в контексте того, что происходит, это не имеет большого значения.

Он сделал шаг в сторону, как человек, который завершает разговор не из-за его истощенности, а из-за того, что он уже выполнил свою функцию.

— Не копай глубже, чем тебе уже позволено увидеть, — добавил он уже тише, не меняя интонации, будто речь шла не о совете, а о наблюдаемом процессе.

Он замолчал, и его взгляд на мгновение стал острым, он не подбирал слова, а определял для себя границу, за которую нельзя переступать.

— То, что ты можешь узнать, — продолжил он, — не будет для тебя преимуществом. Это сыграет против тебя. И против тех, кого ты считаешь близкими.

— Есть вещи, к которым лучше не приближаться.

После этого он ушёл так же естественно, как и появился, не оставив за собой ни акцента, ни завершения.

Эмма поднялась в свою комнату и закрыла дверь. Она села на кровать и на мгновение замерла, пытаясь понять, где закончился обычный день и началось то, чему она пока не могла дать название.

Воспоминания вернулись не вспышкой, а медленным наплывом, словно всё это время стояли на границе сознания и просто ждали момента, чтобы войти.

Холодная, неподвижная вода, тёмная для того, чтобы в ней сохранялось отражение.

Сара — уже не образ, а завершённое состояние, в котором нет и не может быть никакого продолжения. Любая попытка удержать этот миг превращает его не в воспоминание, а в неподвижную точку, неподвластную привычной логике памяти.

Мониторы. Строки, лишённые последовательности, но наполненные отдельными, нарочито случайными элементами, которые тем не менее читаются с предельной ясностью.

«E17».

Эмма взяла телефон и набрала номер Сары.

Она сделала это быстрее, чем успела подумать о том, зачем.

Вызов.

И сразу — отсутствие сигнала.

Потом тишина.

И отключение.

Эмма посмотрела на экран ещё несколько секунд, после чего написала сообщение, не ожидая ответа.

Холод пробежал вдоль позвоночника. Это было слишком похоже на тот сон, чтобы списать на случайность.

Она медленно выдохнула, не меняя положения, и некоторое время просто удерживала эти фрагменты одновременно, не пытаясь их объяснить, потому что любая попытка связать их между собой разрушала даже ту хрупкую целостность, которую они временно образовывали.

Позже, когда разговор с незнакомцем начал терять чёткость, в памяти оставалось не столько то, что он сказал, сколько сама логика его вопросов, особенно тот момент, когда он

неожиданно спросил про Артура — не как случайное уточнение, а так, будто это имя уже было встроено в разговор заранее, и ему оставалось только проявиться.

Тогда это показалось странным, но незначительным. Сейчас — нет. Сейчас это возвращалось как смещение акцента, в котором сам факт того, что он его произнёс, начинал выглядеть не как любопытство, а как проверка, и именно это заставило её снова вернуться мыслями к Артуру уже без внешнего повода.

Эмма резко поднялась, этот переход случился сам собой, ещё до того, как она успела осознать его как собственное решение.

Она взяла телефон, зашла в браузер и начала искать.

Имя — Артур Вейл.

Первые результаты не дали почти ничего.

Она изменила запрос.

И лишь тогда появилась научная публикация — строго оформленный по академическим канонам текст, где имя Артура упоминалось не как центральный объект, а лишь как элемент обширной исследовательской системы. Статья была пронизана ссылками на лабораторные изыскания, суть которых оставалась за кадром, словно сам этот труд предназначался не для разъяснения, а лишь для констатации факта.

Эмма открыла файл.

И прокрутила вниз, не задерживаясь на терминах и формулах, пока не дошла до изображения.

Фотография.

Группа людей в лабораторной обстановке, застывшая в моменте, который не имел ни эмоционального, ни бытового содержания — только документальную функцию, как подтверждение участия.

И среди них — он.

Артур.

Но другой.

Моложе, с тем же выражением лица, но без той плотной неподвижности, которую она видела сегодня, и именно это различие сделало изображение не просто подтверждением, а указанием на временную дистанцию, в которой он уже существовал как часть этой системы задолго до их встречи.

Эмма смотрела на экран, не приближая изображение, потому что увеличение не добавляло ясности, а только усиливало ощущение, что между тем, что она видит, и тем, что знает, уже существует связь, которая пока не оформлена в понятную мысль, но уже не является случайной.

И где-то на фоне этого понимания снова всплыл тот самый разговор на улице — спокойные формулировки, точные паузы и вопрос об Артуре, который теперь перестал звучать нейтрально, потому что начал совпадать с общей логикой происходящего.

И только при повторном, более внимательном взгляде на фотографию Эмма заметила ещё одну деталь, которую сначала мозг просто не выделил как значимую: среди людей на снимке был и тот самый мужчина с улицы.

На этот раз он не стоял в стороне и не растворялся в общей группе — напротив, он находился в центре композиции, как точка, вокруг которой выстраивались остальные фигуры, и это положение не выглядело случайным или формальным, скорее наоборот — создавалось ощущение, что именно от него зависит структура всей сцены, он был не просто участником снимка, а его внутренним каркасом.

И это совпадение — его невозмутимое лицо в живой беседе и тот же самый образ, запечатлённый на лабораторном снимке в позе, явно означавшей ключевую роль, — на мгновение

сместило её восприятие. Внезапно между двумя, казалось бы, разрозненными эпизодами проступила скрытая непрерывность, о которой она прежде даже не задумывалась.

Эмма ещё раз посмотрела на экран телефона, уже не задерживаясь ни на статьях, ни на фотографиях, потому что информация перестала работать как объяснение и стала лишь подтверждением того, что у всех этих разрозненных эпизодов есть общий центр, даже если он пока не обозначен прямо.

Она поймала себя на том, что больше не ищет новых фактов — они уже не меняли картину, а только расширяли её края, не давая ни одного окончательного вывода, и в этом состоянии неопределённости впервые появилось не желание продолжать анализ, а необходимость приблизиться к источнику.

Она заблокировала телефон, не убирая его далеко, и некоторое время просто сидела, позволяя этому решению окончательно сформироваться не через мысль, а через отсутствие альтернативы, потому что ни Сара, ни Лили, ни случайные совпадения больше не давали ощущения направления.

И только тогда она поняла, что завтра или в ближайшие дни она всё равно вернётся к Артуру — она больше не может позволить себе оставаться в стороне от того, что уже начало собираться вокруг него.

И это решение не потребовало следующего шага сразу — но уже определило его.

Артур закрыл дверь кабинета и остановился у стола, не включая свет.

Несколько секунд он просто стоял в тишине, прокручивая в голове свои мысли, не пытаясь это структурировать сразу. Это была привычка, выработанная годами — сначала наблюдать, потом делать выводы.

Телефон завибрировал в кармане.

Он ответил не сразу.

— Да, — сказал он наконец.

Голос на другом конце был спокойным и ровным.

— У нас есть отклонение, — произнёс он.

— Ты уже в курсе.

Артур не стал уточнять.

— Да.

Короткая пауза.

— Объект вышел за пределы допустимого уровня наблюдения, — продолжил голос.

— Почему информация не была передана раньше?

Артур слегка сжал челюсть, но голос его остался ровным.

— Не было подтверждения.

— Теперь оно есть, — ответили ему.

Тишина на секунду стала плотнее.

— Она реагирует быстрее, чем ожидалось, — добавил голос.

— Это делает её опасной.

Артур не ответил сразу.

— За ней нужно усилить контроль, — продолжили на той стороне.

— И исключить возможность дальнейшего доступа.

— Понял, — сказал он.

Пауза.

— При необходимости мы переведём её в другой статус, — прозвучало в трубке.

Артур закрыл глаза на секунду, но это движение осталось незаметным для собеседника.

— Не потребуется, — ответил он.

— Ты уверен?

Короткая пауза.

— Да.

Разговор закончился без дополнительных слов. Артур опустил телефон и некоторое время не двигался. Он знал, что сейчас сделал и знал, что это уже отклонение, но впервые за долгое время это не казалось ошибкой. Скорее — выбором, который он ещё не был готов назвать вслух.

Глава 17.

Звонок от Лили пришёл без предупреждения.

Без привычного вступления — только короткая фраза о том, что им нужно срочно встретиться.

Через несколько минут она позвонила Итану.

Они договорились встретиться в парке.

Место выбрали на ходу — дальняя часть, где дорожки расходились и людей становилось меньше.

Лили пришла последней.

Здесь было тихо настолько, что даже короткие паузы между словами казались значимыми.

Она села, не сразу начиная говорить, и это молчание не выглядело попыткой собраться с мыслями — скорее состоянием, в котором слова уже есть, но ещё не отпущены.

— Со мной что-то происходит, — сказала она наконец.

Эмма посмотрела на неё внимательнее, не перебивая.

— Я реагирую иначе, — продолжила Лили, — думаю иначе... иногда говорю что-то и понимаю, что не помню, как к этому пришла.

Она сделала короткую паузу, и затем добавила, уже чуть тише:

— И у меня появляются воспоминания. Но они не мои.

Эмма чуть напряглась, но не отвела взгляд.

— Вода, — сказала Лили. — Очень тёмная. И Сара.

Эмма медленно выдохнула.

— У меня тоже, — сказала она, и это уже не звучало как предположение.

Пауза, которая возникла после этого, не была длинной, но в ней впервые стало ясно, что совпадение перестало быть случайным.

Итан не перебивал и не задавал вопросов.

Сначала это выглядело как привычное внимание — его способ слушать, но затем в этом молчании что-то сместилось.

Он больше не просто наблюдал.

Он принимал решение.

Взгляд изменился почти незаметно — без внешнего движения, но с внутренней точкой перелома, после которой продолжать молчать означало бы позволить всему идти дальше без контроля.

Он посмотрел на них иначе.

И в этом взгляде исчезла привычная дистанция.

Осталась только вынужденная ясность — как у человека, который понимает, что дальше любое слово уже будет действием.

Его челюсть на мгновение сжалась. После этой короткой паузы стало ясно: он больше не ищет слов, а лишь готовится их произнести.

— Это не совпадение, — сказал он.

Тишина после этих слов не требовала продолжения, но оно всё равно последовало.

— Лаборатория работает, — произнёс он дальше.

— Она не закрывалась. Просто... перестала быть видимой.

Эмма нахмурилась, не понимая.

— В смысле? Что там делают? — спросила Лили уже резче.

Итан замолчал на секунду, и в этой паузе было не отсутствие ответа, а борьба с самим фактом, что его придётся произнести.

— Вы обе — часть этого, — сказал он наконец.

Они не поняли. Это было видно сразу. И именно поэтому он сделал то, что, возможно, откладывал до последнего.

Он поднял руку и убрал волосы за ухо.

Шрам. Тонкий, почти незаметный, но чёткий, чтобы быть случайным.

И в этот момент выражение лиц девочек изменилось так, как меняется восприятие, когда совпадение становится точным, чтобы его можно было проигнорировать или объяснить чем-то привычным.

Потому что у каждой из них был такой же.

— Этого... не может быть, — тихо сказала Эмма.

— Может, - ответил Итан.

Пауза.

Она не сразу двинулась, и это движение не выглядело как импульс, скорее как медленное принятие того, что уже невозможно оставить без проверки, и Эмма первой подняла руку, почти не глядя на них, убрала волосы за ухо.

Тот же след.

Та же форма.

Лили смотрела на неё несколько секунд, не двигаясь, надеясь, что этого будет достаточно, что совпадение закончится на одном, но затем всё же повторила это движение — чуть резче, почти с внутренним сопротивлением, и её пальцы на мгновение задержались у линии шрама.

Тишина после этого стала плотнее.

Теперь это уже не было предположением.

Три одинаковых следа.

И ни одного объяснения, которое могло бы остаться в пределах нормального.

— Я ничего не помню, — добавила Эмма уже тише.

— Только какие-то отрывки... я думала, что это не воспоминания, а фантазия. Но сейчас... - она посмотрела на Лили, — это не может быть одинаково.

Лили резко повернулась к Итану.

— Ты знал? — спросила она.

Он сделал шаг ближе.

— Я знал, что происходит, — сказал он тихо. — Но не знал, что вы в этом.

Он обнял её.

Лили резко оттолкнула его.

— Что ты делаешь? — её голос стал жёстче. — Ты же с Эммой.

— Мы расстались, — спокойно сказала Эмма.

В этом спокойствии не было напряжения.

Она смотрела на них и впервые замечала то, что раньше ускользало от её взгляда, — как он смотрит на Лили. И в этом взгляде уже не было ничего от того, что когда-то связывало их троих.

— Расскажи всё, — добавила она.

Итан замолчал.

Внутри него это решение не было быстрым, но многое было связано с тем, что он собирался сказать.

Отец. Лаборатория. Всё, что он сам сделал частью своей жизни — и теперь должен был разрушить.

И рядом стояли они.

Лили — уже не просто часть прошлого.

Эмма — человек, которому он не имел права врать.

И между этими точками больше не оставалось безопасного молчания.

Он выдохнул.

— Это будет звучать... странно, - сказал он. — Вы подумаете, что я шучу.

Они молчали.

— Думаю, нам пора познакомиться заново, — произнёс он. — Я родился одиннадцатого апреля...

— Нет, - перебила Эмма. — Мы с тобой родились десятого мая.

Итан чуть кивнул.

— Итан - да, — сказал он.

— Но меня зовут Мануэль Гарсия.

Пауза.

— И с девяти лет я живу его жизнью.

Они не сразу поняли.

А когда поняли — не сразу смогли это принять.

— Эмма, помнишь тот день? — спросил он.

— Когда вас чуть не сбила машина.

И она вспомнила.

Дорога.

Яркий свет, выбивающий контуры из привычной глубины. Котёнок, застывший на линии между движением и остановкой. Необдуманный шаг вперёд и машина, которая меняет траекторию.

Удар.

Потом — больница. И фраза, произнесённая слишком спокойно для того, чтобы её можно было поставить под сомнение:

«Это просто обследование».

Эмма медленно выдохнула, и в этом выдохе не было облегчения — только то, что воспоминание перестало быть разрозненным.

— Я был в той машине, — сказал Итан.

Его голос не изменился, но в нём появилась жёсткость, которая не выражалась в интонации, а ощущалась в точности формулировок.

— С мамой. И с Оливией.

Короткая пауза, в которой не было пафоса утраты, только факт.

— Мама умерла на месте. Мы с Оливией... остались.

Он чуть опустил взгляд.

— Для моего отца это не стало завершением, — продолжил он. — Это стало задачей.

Он на секунду замолчал, выбирая, где именно провести границу между тем, что можно объяснить обычными словами, и тем, что уже не вписывается в привычные определения.

— Он работал с группой, которая занималась не лечением и реабилитацией, — сказал он дальше. — Их интересовал сам момент перехода. Состояние, в котором сознание ещё не исчезло полностью, но уже теряет устойчивость.

Он поднял взгляд.

— Они не пытались сохранить жизнь в теле. Они пытались извлечь структуру личности до того, как она распадётся.

Теперь его голос стал лишённым интонации:

— Это осуществлялось с помощью носителя. Не вещества в привычном понимании, а особой среды, в которой запечатлевалась активная нейронная карта — не просто воспоминания или черты характера по отдельности, а вся совокупность реакций, связей, приоритетов... всего, что и составляет уникальность человека в данный момент.

— Этот носитель... — Итан сделал короткий вдох, но не отвёл взгляда. — Его не пересаживали. Не заменяли одно другим.

Он чуть качнул головой, словно отсекая любые простые объяснения.

— Это было наложение.

Слово прозвучало тихо, но точно, как единственно возможное.

— Представьте... - он на секунду замолчал, подбирая не формулировку, а границу того, сколько можно сказать, — что в одном сознании одновременно запускаются две системы. Два набора воспоминаний. Два способа думать. Два... “я”.

Лили едва заметно отступила на полшага.

— И дальше не происходит слияния. Нет никакой гармонии, никакого “вместе”.

Пауза.

— Происходит борьба.

Он поднял взгляд, и в нём впервые за всё время появилась жёсткость, не направленная на них, а внутрь самого себя.

— Остаётся тот, кто выдерживает. Кто сильнее. Кто... больше хочет жить.

Тишина.

— Это не возвращение, — добавил он тише. — Это выбор, но не осознанный.

Эмма не заметила, как сжала пальцы.

— Только один, — закончил он.

Слова легли между ними окончательно.

Никакого пространства для сомнений больше не осталось.

— Сначала... — он посмотрел на Эмму, и этот взгляд был уже другим, — была ты.

Пауза стала длиннее.

— В тебя пытались внедрить Оливию.

Имя прозвучало почти чужим.

— Но... не получилось.

Он сделал короткий выдох.

— Что-то дало сбой.

Ещё одна пауза.

И потом — почти шёпотом:

— А я... закрепился.

Лили резко подняла на него взгляд.

Эмма не двигалась.

— Быстро, — добавил он, и в этих двух словах впервые появилась не просто констатация, а что-то близкое к вине.

Тишина стала глухой.

— E17... — голос Эммы прозвучал тихо, но отчётливо. — Что это?

Итан кивнул.

— Твоя маркировка.

— А круг... перечёркнутый?

Он на секунду закрыл глаза, как будто именно этот вопрос был тем, от которого он надеялся уйти.

— Нестабильность, — сказал он наконец. — Повторная попытка.

Эмма почувствовала, как внутри что-то холодно сдвинулось.

— Недавно, — добавил он.

Пауза.

— Ты не принимаешь это, Эмма. У них дважды не получилось.

Он посмотрел на неё так внимательно, что стало почти невыносимо.

— И именно поэтому ты для них... проблема.

Слово прозвучало мягко.

Но смысл — нет.

Лили резко вдохнула.

— А я? — её голос дрогнул, и она даже не попыталась это скрыть.

Итан перевёл взгляд.

— А5, покрашенный круг — сказал он тихо.

— Идеальный сосуд.

Мир будто на секунду потерял звук.

— Без сбоев.

Лили побледнела так резко, что это стало заметно даже в вечернем свете.

— Нет... - выдохнула она. — Нет, нет, нет...

Она отступила.

Итан шагнул к ней быстрее, чем успел подумать.

— Лили, — его голос стал мягче, почти осторожным, — мы что-нибудь придумаем.

Он протянул руку, но не сразу коснулся.

— Я не дам этому случиться.

Но она уже смотрела на него иначе.

Не как раньше.

Эмма резко подняла голову.

— Артур Вейл.

Имя прозвучало как удар.

Итан замер.

На этот раз - по-настоящему.

— Он... — Эмма сглотнула. — Он связан с этим?

— Да, - сказал он.

Одно слово, которое изменило всё.

— Он работает вместе с моим отцом.

Эмма отвела взгляд, ее глаза наливались слезами.

Но следующий вопрос всё равно сорвался:

— А Сара?

И вот теперь Итан не ответил сразу.

Каждая секунда тишины тянулась дольше предыдущей.

— Она... - голос чуть сбился, но он не остановился. — Она не пропала.

Пауза.

— Она умерла.

Слова прозвучали тихо.

Но в этой тишине они разорвали пространство сильнее, чем любой крик.

Лили замерла.

Эмма не моргнула.

— И то, что вы видите, что вам снится — продолжил он уже почти шёпотом, — это не фантазии.

Он перевёл взгляд с одной на другую.

— Это ваши воспоминания.

Лили закрыла глаза.

— Помогите мне, — сказала она тихо. — Я не хочу исчезнуть.

Эмма обняла её.

— Этого не будет, — сказала она.

Потом посмотрела на Итана.

И теперь в её голосе не было ни страха, ни сомнения.

Только решение.

— Помоги нам всё вспомнить.

Глава 18.

Они не заговорили сразу.

После слов Итана пространство между ними уплотнилось, стало тяжёлым и неподвижным, как натянутая струна.

Итан не отвёл взгляд.

Он смотрел на них прямо, не пытаясь смягчить смысл того, что уже прозвучало, и в этой прямоте не было давления - только ясность человека, который больше не может позволить себе недосказанность.

— Есть только один способ всё вспомнить, — сказал он тише, но именно эта тишина сделала его голос ещё более точным. — Вернуться туда.

Пауза легла между словами и сразу стала окончательной.

Эмма чуть нахмурилась, не отводя взгляда.

— В лабораторию?

Он кивнул.

— Да.

Лили едва заметно качнула головой.

— Ты серьёзно? — спросила Лили, и в её голосе впервые появилась та едва уловимая хрупкость, которая возникает от внезапного столкновения с реальностью.

— Да, — ответил он.

Он чуть наклонился вперёд, опираясь локтями о колени, и на секунду отвёл взгляд в сторону.

— Есть вход, — добавил он чуть тише, возвращая взгляд.

— Я нашёл его ещё в детстве.

Лили резко подняла глаза, и в этом движении было не столько удивление, сколько попытка сопоставить услышанное с тем образом, который она знала.

— В детстве?..

— Я часто там был, — сказал он.

— Они считают, что тот сектор не используется, — продолжил он уже спокойнее, возвращаясь к практической стороне. — Поэтому не перекрыли его полностью.

Он посмотрел на них внимательнее, словно проверяя не согласие, а готовность.

— Мы сможем пройти незаметно.

Эмма кивнула медленно, не задавая уточняющих вопросов, потому что в какой-то момент стало ясно, что детали сейчас не изменят решения, а только создадут иллюзию контроля там, где его всё равно не было.

— Когда?

— Завтра, — ответил он. — В полночь.

Он сделал короткую паузу, давая этому времени закрепиться не как предложению, а как уже принятому факту.

— Встретимся в конце парка. У дороги, которая ведёт к старому въезду.

Тишина снова вошла в разговор, но теперь она уже не была неопределённой — в ней появилось согласие, не проговорённое вслух, но очевидное в каждом взгляде.

— Хорошо, — сказала Эмма.

Лили кивнула чуть позже, словно ей потребовалось на долю секунды больше, чтобы принять не слова, а последствия.

И в этот момент Итан перевёл взгляд на неё, и в этом взгляде уже не было только участия — в нём появилось что-то более личное.

— Лили.

Она посмотрела на него.

— Не засыпай сегодня.

Пауза возникла сразу, почти физически.

— Почему? — спросила она тише, уже заранее чувствуя, что ответ окажется не тем, который можно будет просто принять и отложить.

Итан выдохнул едва заметно, как будто сам не до конца хотел произносить это вслух, но понимал, что теперь у него нет права на умолчание.

— Потому что именно во сне... — он на секунду замолчал, будто выбирая не слова, а допустимую степень откровенности, — твоя личность ослабевает.

Слова легли между ними точно, не оставляя возможности их смягчить или переосмыслить.

— И вторая... получает шанс.

Лили побледнела, и это было видно даже в мягком, рассеянном вечернем свете, потому что в её лице изменился не только цвет — изменилась сама точка опоры, на которой держалось её восприятие происходящего.

Эмма сразу повернулась к ней.

— Тогда ты не будешь одна.

Лили посмотрела на неё.

— Я останусь с тобой, — сказала Эмма.

И Лили кивнула.

Дом Лили встретил их тишиной. Лили прошла внутрь первой, сбросила куртку и осталась посреди комнаты.

Эмма осталась у двери на секунду дольше, наблюдая не за обстановкой, а за ней.

— Ты как? — спросила она.

Лили коротко усмехнулась.

— Отлично. Просто узнала, что могу исчезнуть во сне. Ничего особенного.

Эмма не улыбнулась.

Они сели.

Тишина между ними не была неловкой — она просто существовала, давая каждой из них время догнать собственные мысли.

Лили сказала это не сразу — слова будто долго стояли где-то внутри, не находя выхода, и потому, когда они всё-таки прозвучали, в них не было ни колебания, ни попытки смягчить формулировку.

— Мне он нравится.

Она не подняла взгляд — словно не хотела видеть, какой будет реакция.

И в этой простой прямоте было больше напряжения, чем в любых тщательно подобранных словах.

Эмма замолчала.

Это не было паузой для выбора формулировки. Скорее ощущением, что всё уже было сказано раньше — внутри неё — и теперь просто совпало с реальностью.

Она посмотрела на Лили внимательнее.

Спокойно.

Так смотрят на человека, который произнёс вслух то, что и так давно было очевидно.

— Я знаю, — сказала она тихо.

Лили подняла глаза резко, почти испуганно, ожидая совсем другого ответа.

— Правда?

В её голосе появилась та самая неуверенность, которая возникает, когда надежда и страх совпадают в одной точке.

Эмма чуть кивнула, не отводя взгляда.

— Это видно, — добавила она мягко. — И не только мне.

Короткая пауза, в которой слова уже начали менять своё значение.

— Ему тоже.

Лили замерла.

— Что?.. — выдохнула она, и в этом коротком звуке было больше, чем в вопросе.

Эмма едва заметно выдохнула, будто вместе с этим отпускала что-то окончательно.

— Он смотрит на тебя иначе.

Она не отвела взгляд.

— Не так, как на меня.

И в этих словах не было ни обиды, ни упрёка — только точность, к которой она пришла не в этот момент, а задолго до него.

Лили опустила взгляд, будто пытаясь спрятаться от этой ясности, но Эмма не дала ей договорить.

— Мы расстались, не забывай — сказала она спокойно.

Слова прозвучали без резкости, но чувствовалась завершенность.

— Всё нормально, — добавила Эмма, чуть мягче, но всё так же без попытки что-то сгладить.

— Мы больше не вместе, — тихо сказала Эмма.

И только произнеся это вслух, поняла, насколько давно это уже правда.

— Просто в какой-то момент стало ясно.

И это «ясно» прозвучало как итог, к которому невозможно ничего добавить.

Лили смотрела на неё долго, как будто пыталась найти в её лице что-то, что противоречило бы сказанному.

— Ты правда... — начала она и не договорила.

Эмма слегка улыбнулась так, как улыбаются, когда внутри уже принято решение, и оно больше не требует подтверждения.

— Я правда буду рада за вас.

Лили не ответила сразу.

Она просто смотрела на неё и в этом взгляде было всё: растерянность, благодарность, сомнение и что-то ещё, чему пока не находилось названия.

— Ты серьёзно?.. — спросила она тише.

— Да, — ответила Эмма.

И теперь это «да» уже не нуждалось ни в пояснениях, ни в доказательствах.

Лили медленно выдохнула, и в этом выдохе было не облегчение, а скорее попытка удержать внутри себя то, что быстро перестраивалось в реальность, не успев стать привычным.

— Это всё так... странно.

Слово повисло в воздухе не как оценка, а как единственная форма, в которую сейчас можно было поместить происходящее, не разрушив себя внутри этого понимания.

Лили чуть опустила взгляд, будто искала точку опоры в чём угодно, что оставалось стабильным.

— Он... Итан, но не Итан.

Эмма кивнула.

— Мануэль, — сказала она.

И это имя легло между ними иначе, чем должно было.

Не как замена, а как сбой в привычной системе восприятия.

Потому что в нём не было того человека, к которому они привыкли — в нём было что-то чужое, старое и одновременно реальное, чтобы быть выдумкой.

Лили резко подняла глаза.

— Как это вообще возможно?

Вопрос не требовал ответа как информации.

Он требовал объяснения мира, в котором это могло существовать.

— Я не знаю, — сказала Эмма.

И пауза после этих слов была тяжелее любого объяснения.

— Но это уже происходит.

Тишина вернулась снова. Она была наполнена осознанием, которое ещё не оформилось окончательно, но уже заняло всё пространство между ними, не оставляя возможности вернуться к тому, что было «до».

Лили первой отвела взгляд.

Поднялась.

— Я... в душ, — сказала она, чуть тише, чем раньше. — Попробую... хоть немного прийти в себя.

Эмма кивнула.

— Давай.

Лили уже сделала несколько шагов, когда остановилась на секунду, будто хотела что-то добавить, но передумала и просто ушла.

Дверь закрылась.

Эмма осталась одна на несколько секунд, не двигаясь, позволяя моменту окончательно закрепиться.

А потом встала.

— Я схожу в магазин, — сказала она уже в пустоту, скорее для себя, чем для кого-то ещё.

Вечер уже окончательно опустился на город.

Эмма шла быстрее обычного.

Но это не было спешкой. Она не пыталась догнать мысль или убежать от неё — просто внутри уже было движение, которому тело само подстраивалось.

Поэтому она заметила его не сразу.

Артур стоял у входа в магазин, почти сливаясь с пространством. Неподвижный, как человек, который просто ждёт — без лишнего присутствия.

И именно эта неподвижность выделяла его сильнее любого движения.

Их взгляды встретились.

И в этот момент внутри Эммы что-то резко встало на место.

Словно граница, которая появилась раньше, чем она успела её осознать.

— Эмма, — сказал он спокойно.

Но это спокойствие больше не воспринималось нейтрально.

Она остановилась.

И почти сразу почувствовала внутри жёсткое, физическое сопротивление — не страх, не растерянность, а именно отказ, чёткий и обдуманный, как если бы он уже существовал до этой встречи.

— Не нужно, — сказала она сразу, не давая разговору даже начаться.

Артур чуть нахмурился — едва заметно, но этого было достаточно, чтобы понять: он не ожидал именно такого ответа.

— В чем дело? — удивленно спросил он.

— Я всё понимаю, — сказала она.

Голос стал твёрже.

— И ваши... эксперименты тоже.

Между ними повисла пауза — она была напряжённой, как натянутая линия, за которую нельзя было переступить, не изменив всё.

Артур сделал шаг ближе.

— Это не – на полуслове оборвался Артур.

— Я не буду твоей подопытной, — сказала Эмма прямо.

Она не повысила голос, но теперь в её взгляде не осталось ничего, что можно было бы интерпретировать иначе.

Только граница.

— Ни за что.

На секунду он замер.

— Эмма, послушай,

— Нет.

Она отступила на шаг, и это движение было не защитным, а окончательным — как будто вместе с ним она закрепляла принятое решение.

И в следующую секунду развернулась и ушла, не оглядываясь.

Артур остался стоять у входа.

И только после того, как её фигура растворилась в потоке людей, его лицо изменилось.

Взгляд стал жёстче, челюсть сжалась, и в этом коротком, почти незаметном сдвиге впервые проявилось то, что он до этого удерживал под контролем.

Злость.

Дверь захлопнулась не громко, но так, что звук будто разрезал пространство.

Итан даже не успел повернуться.

Следующий момент стал ударом: его резко прижало к стене, и воздух вырвался из груди так внезапно, что на секунду мир сузился до одной точки — давления, хватки, чужой силы, которая не спрашивала разрешения.

Артур держал его за ворот.

Это не было грубым или хаотичным — напротив, всё отличалось выверенной точностью.

— Что ты сделал? — произнёс он тихо.

И именно эта тишина сделала вопрос опаснее любого крика.

Итан резко дёрнулся, пытаясь вырваться, и в этом движении уже не было осторожности.

— А тебе какое дело? — голос сорвался, прежде чем он успел его удержать.

Он резко оттолкнул Артура, наконец возвращая себе пространство.

— Серьёзно?

Артур не отступил далеко — всего шаг, но этого шага хватило, чтобы снова сократить дистанцию.

— Ты рассказал Эмме..

Итан усмехнулся.

— А должен был молчать? — он резко выдохнул. — Как ты?

Пауза повисла между ними плотной стеной.

— Ты уже достаточно сделал.

В голосе Итана появилась трещина, через которую прорывалось всё, что он до этого удерживал внутри.

— Вы уничтожили мою жизнь.

Артур сжал челюсть.

На секунду его лицо стало жёстче.

— Ты не понимаешь,

— Нет, это ты не понимаешь! — Итан сорвался быстрее, чем успел осознать.

Голос ударил в пространство, разорвав сдержанность.

— Вы убили его!

И эта фраза повисла так резко, что даже воздух будто перестал двигаться.

— Ребёнка, — добавил он уже тише.

И именно это «тише» прозвучало страшнее крика.

Он смотрел прямо, не отводя взгляда.

— Итана.

Имя легло между ними как линия, которую невозможно стереть.

Артур сделал ещё один шаг вперёд.

И в этот момент его спокойствие окончательно треснуло.

— Я пытаюсь это остановить, — сказал он резко.

— Остановить? — Итан почти рассмеялся, но звук вышел выжженным. — После всего?

— Я не передавал по ней данные! — впервые голос Артура сорвался, не выдержав собственной сдержанности.

Пауза ударила сильнее слов.

Он сделал вдох, но он не помог вернуть контроль.

— Ничего не передавал, придумывал, что она стабильна и все идет по плану.

— Я держал её вне системы, сколько мог.

Итан на секунду замер.

— И что? — сказал он глухо. — Думаешь, это что-то меняет?

Артур шагнул ближе.

И теперь между ними не осталось расстояния, которое можно назвать безопасным.

— Это меняет всё.

— Я защищал её.

— А ты сейчас всё разрушил.

Тишина снова вернулась.

Итан медленно сжал кулаки.

— Уже поздно, — сказал он.

Глава 19.

Парк в это время почти опустел.

Фонари тянулись вдоль дорожки, но их свет казался слабым, будто не справлялся с тем, что приближалось вместе с ночью.

Дорога впереди уходила в темноту.

Эмма и Лили пришли первыми.

Они стояли неподвижно, чуть дальше от света, и смотрели туда, где фонари обрывались, растворяясь в чёрной линии деревьев и дороги за ними.

Минуты текли странно — не как ожидание, а как пауза перед чем-то, что уже решено, но ещё не началось.

Потом пришёл Итан.

Он остановился перед ними, посмотрел на дорогу.

В его взгляде смешались страх, решимость и усталость человека, который уже принял решение и теперь не мог отступить.

— Нам туда, — сказал он.

Никто не задал вопросов, потому что вопросы уже не вели ни к чему.

Они шли молча.

Итан впереди — так, будто маршрут был у него в теле, а не в памяти.

Лили держалась ближе к Эмме, иногда чуть замедляя шаг.

Эмма смотрела вперёд, но взгляд периодически терял фокус.

Проход появился неожиданно просто — щель между двумя техническими конструкциями, которую раньше легко было принять за часть стены.

Итан остановился первым.

Коротко посмотрел на них.

И, не говоря ничего лишнего, шагнул внутрь.

За проходом воздух изменился сразу.

Он стал холоднее, лишённым привычной улицы и её шума.

Они вышли туда, где когда-то всё уже начиналось.

Эмма остановилась, её тело узнало место раньше, чем сознание успело подтвердить это.

Перед ней был участок пространства, который память не сохранила как целое, но сохранила как вспышку: носилки, земля, яркий свет, размытые силуэты людей, и ощущение, что время здесь не идёт, а ломается.

И Сара.

Не как образ — как момент, застывший в своей последней точке.

Эмма не сразу поняла, что задержала дыхание.

Всё, что было вокруг, вдруг стало отчётливым: холод под ногами, резкость воздуха, собственный пульс, который раньше не требовал внимания.

Вместе с этим возвращалось то, что не было просто воспоминанием — оно было ощущением, впаянным в тело: страх, растерянность, чужие голоса, которые говорили спокойно для происходящего.

Реальность не возвращалась. Она просто становилась полной.

Лили стояла чуть позади.

В ней уже не было привычной собранности — только усталость, которая наконец перестала скрываться под контролем. Она смотрела по сторонам, будто пространство могло в любой момент дать ответ, но не находила его, и от этого взгляд становился всё более потерянным.

Итан заметил это не сразу. Сначала — по едва уловимой перемене в её взгляде, потом по тому, как замедлился её шаг. Когда скрывать усталость стало невозможно, он подошёл ближе.

Он ничего не сказал.

Не потому что не было слов — просто любое из них сейчас было бы лишним.

Итан подошёл ближе и осторожно взял её за руку.

Лили вздрогнула, но не отдёрнула ладонь.

В этом простом касании оказалось больше опоры, чем во всех сказанных до этого словах.

Эмма посмотрела на них.

На секунду всё, что происходило вокруг, отступило на второй план, оставляя только этот маленький жест — незначительный внешне, но важный внутри происходящего.

Впервые за всё это время в её взгляде появилось что-то мягкое.

Лабораторные коридоры встретили их почти безжизненной геометрией.

Стены не давили — они просто существовали, нейтральные, и именно в этой нейтральности чувствовалась настоящая тяжесть, потому что отсутствие эмоций в таких местах всегда ощущается сильнее, чем их присутствие.

С каждым метром звук шагов становился всё глуше, растворяясь в длинных пустынных коридорах.

Чем глубже они продвигались, тем сильнее Эмма чувствовала, что это место не является для неё чужим полностью.

Это ощущение нарастало, проявлялось в деталях, которые не поддавались логике: в углах коридоров, в характере света, в самой структуре пространства.

И чем дальше они шли, тем яснее становилось: она здесь уже была.

Не в рассказах, а телом — как опыт, который не стереть, потому что он встроен глубже, чем обычное воспоминание.

Память не возвращалась резко, она не ломала реальность и не разрывала её на части.

Она медленно поднималась слоями, как если бы с каждого фрагмента действительности снимали тонкую, почти незаметную плёнку, под которой всё это время уже существовала другая версия происходящего.

Вместе с этим у Эммы возникало странное чувство — будто её собственное восприятие больше не догоняет реальность, а только постепенно её вспоминает.

Лили остановилась так внезапно, что остальные едва не наткнулись на неё.

Коридор будто сбился с ритма — движение на секунду распалось, прежде чем снова выровняться.

Лили не моргала.

Её взгляд застыл в одной точке, неподвижный и слишком сосредоточенный, словно там появилось что-то, чего больше никто не видел.

— Я... — выдохнула она, но слово оборвалось, не успев оформиться.

В этот момент коридор для неё перестал существовать в том виде, в каком его видели остальные: ровные стены, холодный свет, стерильная геометрия мгновенно сместились, сложились в другое пространство, в котором не было настоящего, только наложение памяти, плотное и неотвратимое.

Палата, белизна, которая не давала покоя, потому что в ней не было ни тепла, ни жизни.

Она сама — не стоящая здесь, а лежащая там, неподвижная, лишённая выбора, ставшая частью системы.

Лили резко вдохнула, и этот вдох прозвучал как попытка вернуться обратно, но вместо возвращения память обрушилась на неё полностью, и тело отреагировало раньше сознания: шаг дрогнул, равновесие исчезло, и она бы упала, если бы не Итан, который оказался рядом мгновенно.

Он удержал её осторожно, не позволяя ей провалиться глубже в этот внутренний обвал, и его прикосновение было единственной точкой опоры в пространстве, которое перестало быть устойчивым.

Тогда Лили заплакала.

Эмма подошла ближе, но не вторглась в этот момент, не разрушила его словами или жестами, а просто осталась рядом, как присутствие, которое не требует реакции, но не даёт человеку окончательно исчезнуть в себе.

— Всё... здесь, — прошептала Лили сквозь слёзы.

— Я... я помню...

Они вошли в палату. Внутри всё было почти таким же, как в памяти Лили: ровные поверхности, точный свет, аккуратно выстроенная пустота, в которой нет случайности, только намерение, скрытое за стерильной формой.

Лили сделала шаг внутрь — и замерла.

Дыхание сорвалось окончательно, и теперь уже не было деления между настоящим и тем, что всплыло внутри неё, потому что оба пространства совпали, наложились друг на друга без зазора, и это совпадение оказалось сильным, чтобы его можно было выдержать спокойно.

Она вспомнила всё.

Лили закрыла лицо руками, и её плечи дрожали так, будто тело пыталось справиться с тем, что сознание уже не могло удерживать.

Итан шагнул ближе к Лили, но остановился на границе её пространства, не нарушая её.

— Лили... — тихо произнёс он, но голос оборвался: слова тут не работали.

Эмма медленно вошла в палату, и в тот момент, когда она оказалась внутри, память вернулась сразу, не фрагментом — целиком.

Она выдохнула медленно, словно пытаясь удержать внутри себя хоть какую-то устойчивость, но она уже распадалась.

— Как... — её голос прозвучал тише, чем она ожидала, и в этом тоне не было ни вопроса, ни надежды, только попытка найти точку, от которой ещё можно оттолкнуться.

— Как нам спасти Лили?

В следующий момент пространство перестало быть статичным — его разрезали шаги, уверенные для этого места, и именно эта уверенность заставила всё внутри мгновенно собраться.

Итан резко развернулся, а Лили вздрогнула.

Они метнулись за шкаф почти одновременно — инстинктивно, без согласования, и в этом коротком броске пространство сузилось до предела, превратившись в узкий промежуток между стеной и их дыханием.

Лили прижалась ближе, пытаясь дышать тише, но каждый вдох выдавал её напряжение, её плечо касалось его груди, между ними не осталось расстояния.

Итан посмотрел на неё.

На секунду всё внешнее исчезло из его взгляда, будто мир за пределами этого узкого пространства перестал существовать, и осталась только она — дрожащая, настоящая в этой неподвижной системе.

Лили тоже подняла на него глаза.

В этой короткой, почти украденной паузе между шагами и тишиной что-то между ними сместилось, стало тем, что невозможно было игнорировать, и именно от этого ощущение стало опасным.

— Ты... — начал он очень тихо и тут же замолчал, он сам себе не позволил произнести это вслух в полной мере.

Лили едва заметно нахмурилась, не понимая.

Тогда он чуть выдохнул.

- Ты даже сейчас умудряешься быть красивой, - сказал он почти шёпотом, просто, без попытки сделать из этого что-то большее, чем оно есть, но именно в этой простоте это прозвучало неожиданно честно и почти неловко по-настоящему.

Лили замерла на секунду.

Потом, несмотря на весь страх вокруг, её губы едва заметно дрогнули — не улыбка в привычном смысле, а что-то очень смущённое.

— Сейчас не лучший момент для признаний, — прошептала Лили так тихо, что слова будто растворились в пространстве между ними.

Итан, несмотря на всё происходящее, едва заметно улыбнулся.

В напряжении этой секунды мир вокруг словно исчез. Остались только они.

Эмма тем временем уже скрылась за кушеткой.

Она видела только нижнюю часть пространства — холодный пол, тени мебели, и то, как реальность сужается до уровня деталей, которые обычно не имеют значения, но сейчас становились единственным ориентиром.

Шаги остановились.

В поле её зрения появились чёрные туфли, безупречно чистые, дорогие. Дверь открылась полностью и человек вошёл внутрь.

Эмма медленно подняла взгляд, и увидела того, кого не ожидала увидеть — Артур.

Он остановился и в ту же секунду в его лице что-то сдвинулось, появилась злость.

— Ты серьёзно? — его голос прозвучал тихо, но в этой тишине не было мягкости.

— Ты привёл их сюда?

Артур не повышал тон, но каждое его слово звучало с неумолимой точностью. Его взгляд медленно скользнул к шкафу, туда, где скрывался Итан.

— Ты вообще понимаешь, что ты сделал? — добавил он с той же интонацией.

Итан вышел из укрытия.

— А тебе какое дело? — бросил он, и в его голосе уже не осталось спокойствия, только оголённая реакция, которая шла быстрее мыслей.

— Ты не имеешь права, — Итан не успел закончить.

Артур сделал шаг ему навстречу.

Всего один, но в этом движении не было колебаний — только что-то окончательно сорвавшееся с внутреннего удержания.

— Я сказал — уводи их отсюда. Быстро.

Впервые за всё время его спокойствие не просто изменилось — оно треснуло, как тонкое стекло под давлением, и в этой трещине стало видно то, что он до этого тщательно скрывал.

Он перевёл взгляд.

На Эмму.

Его голос постепенно изменился.

Артур бросил быстрый взгляд на панель у двери.

— Я заглушил внутренние датчики. У нас максимум две минуты, пока система не перезапустится.

— Чёрт. Не так. Я хотел сказать тебе это, но иначе, — произнёс он тише, и в этой тишине исчезла прежняя жёсткость, оставив после себя что-то более личное.

Он сделал шаг ближе, медленно, проверяя границу, которую ещё можно не пересекать, но уже невозможно игнорировать.

— Я на твоей стороне.

Эмма не отступила, но в её дыхании появилась едва заметная тяжесть, её тело реагировало раньше мысли, распознавая не опасность, а напряжение.

— Если понадобится, я останусь здесь вместо тебя, — добавил он тише.

— Даже если мне это будет стоить всего.

И в этой фразе не было пафоса или декларации — только болезненная честность человека, который уже принял внутри себя решение, но ещё не знает, как его выполнить.

— Я работал здесь не для них, — продолжил он после короткой паузы, и голос его стал ровнее, но не спокойнее. — Я пытался вытащить всё это наружу.

Он на секунду отвёл взгляд.

— Мой отец был одним из тех, кто стоял у истоков этого.

— Его подставили.

Он снова посмотрел на неё, и в этом взгляде появилось что-то тяжёлое, личная история, которую он долго носил внутри.

— Его подставил Фелипе Гарсиа, — произнёс он тише.

— Твой отец — Артур перевел взгляд на Итана.

Эмма замерла, но Артур не отводил взгляда.

— Я здесь, чтобы остановить это, — сказал он.

Их взгляды столкнулись.

На секунду исчезло всё остальное — стены, лаборатория, прошлое, даже страх. Остались только дыхание и близкое присутствие, в котором было нечто опасное.

Эмма смотрела на него.

— Я хочу тебе верить, — сказала она тихо.

Под потолком раздался сухой треск. Лицо Артура резко изменилось.

— Они восстановили систему.

И в следующий момент за дверью раздались шаги.

— Охрана, — сквозь зубы произнес Артур.

Он выдохнул едва заметно и наклонился ближе к Эмме.

— Доверься мне, — прошептал он. — Я тебя вытащу.

Голос был тихим, личным — без дистанции и формальностей.

В следующий момент он резко развернулся.

Как будто решение уже было принято заранее.

— Как вы это допустили?! — голос изменился сразу. Жёсткий, собранный. — Почему посторонние в секторе?!

Дверь распахнулась полностью.

Их схватили быстро. Итан дёрнулся с яростью, которая вспыхнула в нём мгновенно, как последняя попытка удержать ситуацию.

— Не трогайте их! — крик сорвался, ломаясь о пространство. — Не смейте!

Но его уже перехватили крепче, разворачивая, уводя, лишая возможности даже приблизиться.

Лили сопротивлялась слабее.

В её движениях уже была тяжесть — память, шок, что-то внутри, что не позволяло телу действовать резко и точно, как раньше.

Она выглядела потерянной, будто не до конца вернулась в реальность.

Эмму тоже подняли.

В тот момент, когда её отрывали от пространства, где всё только что начало складываться в опасную ясность, она увидела Артура.

И на секунду их взгляды снова встретились.

В этом взгляде не было отстранённости.

Его губы едва дрогнули. Слова не прозвучали, но она всё равно поняла.

— Я тебя вытащу.

В этих трёх словах не было обещания как формальности — было решение, которое уже принято.

Дверь закрылась.

Глава 20.

Итана вели по коридору молча, не давая возможности остановиться.

Кабинет отца он узнал ещё до того, как дверь открылась. Отец стоял у стола.

— Ты справился, — сказал он, не поднимая голоса.

— Эмма здесь. Это значительно ускорит работу.

Итан замер у входа.

— Не смей её трогать, — произнёс он, срываясь на крик.

— Ни её, ни Лили.

Отец посмотрел на него спокойно, почти изучающе.

— Мне сказали, что ты расстался с Эммой, — ответил он спустя секунду.

— Значит, твоих любовных помех больше нет.

Пауза.

— Лили, — добавил он чуть тише, и в голосе впервые появилось что-то похожее на интерес.

— Это тоже часть твоей... эмоциональной привязки? Или новый проект?

Слово «проект» ударило точнее любого обвинения.

Итан резко шагнул вперёд, и в следующую секунду что-то на столе с глухим звуком упало и разбилось, но это не остановило его — наоборот, только усилило напряжение, которое давно уже не помещалось внутри.

— Я не просил тебя «спасать» меня, — сказал он глухо, срываясь на злость.

— Не ценой жизни другого человека.

Отец не отступил.

Он смотрел на него спокойно, но в этом спокойствии не было равнодушия.

— Мануэль, ты для меня важнее любых процессов, — произнёс он после паузы.

— Всегда был.

Итан усмехнулся.

— Ты заставил меня жить жизнь другого человека, так будь добр, называй меня Итан! Мануэль мёртв! — закричал он.

— И почему это вообще существует? Почему ты продолжаешь этим заниматься?! — спросил он, срываясь на крик.

— Если я для тебя важнее всего.

Впервые за всё время на лице Фелипе появилась усталость, как у человека, который долго держит в руках систему, которую сам же и запустил, и теперь уже не уверен, где в ней заканчиваются решения и начинается цена.

— Потому что, если я остановлюсь сейчас, значит всё было зря. — сказал он тише, чем обычно, и в этой тишине не было защиты.

— Я не могу снова позволить себе оказаться бессильным.

Он на секунду отвёл взгляд, словно в этом движении пытался не увидеть то, что уже невозможно исправить.

— Идём.

Итан не сразу ответил.

Тринадцать лет.

Он жил тринадцать лет вне этого человека.

Научился существовать отдельно — собрал себя заново из чужих решений и собственных попыток выжить.

В какой-то момент перестал ждать объяснений или исправлений прошлого.

Сейчас, глядя на отца, он чувствовал тяжёлое презрение — к тому, как легко тот говорит «идём», будто всё ещё имеет на это право.

Он всё равно пошёл.

В это время Эмму удерживали силой — хотя по ощущениям она сама всё ещё пыталась идти вперёд.

Она вырывалась с отчаянным упорством, но движения уже были хаотичными, подчинёнными только инстинкту.

— Нет... не трогайте... — голос сорвался почти сразу, стал хриплым.

Её прижали к кушетке.

Руки зафиксировали. Ремни легли на запястья.

Двое действовали спокойно и слаженно — без лишних движений, как люди, для которых это не первый раз.

Один удерживал плечи.

Второй застёгивал ремень.

Холод иглы коснулся кожи.

Эмма дёрнулась — резко, но уже без силы.

Зрение поплыло. Дыхание стало тяжелее.

Мысли начали распадаться на отдельные обрывки, теряя связность.

И в этом сужающемся мире рядом с ней остался только один человек.

Учёный стоял чуть в стороне. Спокойный, неподвижный, слишком собранный для человека рядом с чужой паникой. Его взгляд был внимательным — не жестоким, а исследовательским.

— Ты не представляешь, насколько ты важна, — произнёс он ровно.

Эмма попыталась сосредоточиться на его лице, удержать его в поле зрения, как последнюю опору в уходящей реальности, но картинка уже не собиралась в целое.

— Почему?... - выдохнула она.

Он чуть склонил голову: — За тридцать лет работы, я не встречал человека, на которого система не действует так, как должна, — сказал он спокойно.

— Ты не поддаёшься и не стабилизируешься.

— Это значит, что ты либо сбой, — продолжил он тише, — либо следующий уровень.

Эмма почувствовала, как даже попытка понять начинает требовать много усилий. Мысли перестали держаться одна за другую, распадаясь на короткие вспышки, в которых не было последовательности.

— И тебя нужно изучить, — добавил он мягко.

— Использовать так, чтобы усилить проект, заявить миру о наших возможностях.

Последние слова уже проходили сквозь неё, не задерживаясь, как шум за закрытой дверью.

В какой-то момент Эмма просто перестала удерживать глаза открытыми.

Она провалилась в сон.

Когда дверь палаты открылась, Итан уже не сомневался, кого он там увидит — это знание пришло как предчувствие, которое просто перестало быть чем-то отдалённым и стало реальностью.

Лили лежала на кушетке, пристёгнутая ремнями, подключённая к капельнице.

И всё же она оставалась живой.

В её лице ещё держалась привычная мягкость — та, которая всегда казалась естественной.

Именно это делало происходящее особенно тяжёлым: она была здесь, в сознании.

Она всё ещё держалась.

Итан сорвался к ней сразу.

— Лили... — его голос дрогнул, и он оказался рядом.

Он потянулся к ремням, пытаясь ослабить их, не думая ни о чём, только о том, что она здесь — и это уже ошибка.

— Я тебя вытащу. Слышишь? Я не дам тебе остаться здесь.

Он говорил сбивчиво.

— Не стоит, — прозвучал голос его отца за спиной.

— Процесс уже запущен.

Итан развернулся к отцу.

— Пошёл ты к чёрту, — сказал он тихо, но в этой тишине было больше силы, чем в крике. Это не была эмоция — это было окончательное отторжение.

Он снова повернулся к Лили, для него весь остальной мир перестал существовать, а после взял её за руку.

— Слышишь меня? — его голос стал ниже, но в нём появилась странная честность, которой раньше не было.

— Я всё время думаю о тебе. Ты единственный человек, рядом с которым я чувствую, что ещё жив. И я люблю тебя.

Он замолчал на секунду, будто сам не ожидал, что скажет это вслух.

— Я не собираюсь просто смотреть, как тебя забирают.

Лили посмотрела на него.

В её взгляде — уже уходящем, но всё ещё цепляющемся за него — что-то дрогнуло. Слабая улыбка появилась, как последняя попытка остаться здесь хотя бы на секунду дольше.

— Вот сейчас... подходящий момент, — прошептала она с трудом, но стараясь улыбнуться.

— Потому что, кажется... я скоро потеряю себя.

Слёзы скатились по её щекам.

Итан сжал её руку сильнее.

— Нет, — выдохнул он.

— Ты не потеряешься. Я не позволю.

Но Лили уже не ответила, её дыхание стало тише, и постепенно она ушла в сон.

Итан резко выпрямился.

В следующую секунду оказался у отца.

Резко схватил его за рубашку, сжав ткань так сильно, что пальцы побелели, и дёрнул на себя, заставляя того чуть наклониться ближе, нарушая эту безопасную дистанцию между ними.

— Я тебя ненавижу, — выдохнул он тихо, но в этом «тихо» не было ничего спокойного.

— Ты понимаешь? Я тебя просто ненавижу.

Впервые за долгое время он не пытался сдерживать себя. Всё, что копилось годами — теперь вышло наружу одним резким движением.

Фелипе не отстранился. Он посмотрел на сына устало, как человек, который давно пытается удержать конструкцию, в которой уже нет простых решений.

— Это так ты благодаришь меня? — произнёс он ровно.

— За второй шанс жить? За возможность просто жить так, как ты хочешь?

Он чуть сильнее выпрямился, не пытаясь вырваться.

— Просто жить, Мануэль.

В этих словах не было насмешки — только убеждённости, что он действительно дал ему что-то, что считает оправданной ценой.

Итан резко покраснел от злости.

— Если я потеряю Лили... — его голос дрогнул, но не сломался.

— Ты за это заплатишь. Слышишь меня? Ты за это поплатишься.

— У тебя уже давно нет сына. Он умер в той аварии.

Слова повисли в воздухе тяжело, окончательно.

В этот момент дверь резко открылась.

Один из охранников вошёл быстро, без предупреждения, и всё произошло мгновенно: короткое движение, резкий укол в шею.

Итан даже не успел обернуться.

Тело предательски дёрнулось, звук стал глухим, свет начал расплываться по краям, теряя форму.

Он попытался удержаться, но ноги перестали слушаться.

Итан медленно осел на пол, сначала на колени, потом полностью, и последним, что он увидел перед тем, как всё окончательно поплыло, были линии палаты и неподвижная фигура отца над ним.

Дверь открылась снова и в палату вошёл Артур.

Он остановился на пороге на долю секунды, окинул взглядом сцену — Итан на полу, охрана, напряжённая тишина — и тут же изменил выражение лица, возвращая привычную собранность, нейтральную маску человека, который здесь «свой».

Фелипе повернулся к нему.

— Отвези его домой, — сказал он ровно, не повышая голос.

— Он не должен здесь оставаться.

Артур коротко кивнул.

— Понял.

Он сделал шаг вперёд, но не сразу подошёл к Итану. Взгляд его скользнул по палате ещё раз, задержавшись на деталях — особенно внимательно для случайного наблюдателя.

Затем, будто между прочим, почти нейтрально:

— А вторая девушка? Где она?

Вопрос прозвучал спокойно, без давления, но в нём было то точное знание, которое не задают просто так.

Фелипе посмотрел на него.

— В другом секторе, — ответил он коротко.

— Под наблюдением.

После паузы добавил так же ровно, как факт, не требующий обсуждения:

— Тебе сейчас это не нужно. Делай, что сказал.

Глава 21.

Артур вышел не сразу.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы вернуть лицу привычное спокойствие.

Непроницаемое.

Итан был вынесен как объект, временно лишённый значения.

Артур наблюдал за этим со стороны, не вмешиваясь.

— Я заберу его, — сказал он, когда охранники остановились у выхода.

Никаких вопросов не последовало.

Итан оказался на заднем сиденье машины с едва заметным дыханием, которое всё ещё подтверждало, что он здесь, что он не исчез окончательно в той границе, куда его насильно отправили.

Артур обошёл автомобиль, открыл водительскую дверь и сел внутрь. Двигатель завёлся тихо.

Они выехали с территории лаборатории без лишних проверок — система пропустила их, потому что Артур был её частью.

Сначала дорога шла прямо, потом плавно уходила в темноту.

Фонари исчезали один за другим, и оставались только фары, скользящие по асфальту.

Артур свернул с основной трассы.

Машина остановилась там, где с обеих сторон подступал тёмный лес.

Дальше не было ни света, ни признаков жизни — только дорога, исчезающая в черноте.

Он заглушил двигатель.

Несколько секунд он просто сидел, не двигаясь, давая пространству окончательно замкнуться вокруг них, а затем повернулся к Итану.

— Очнись, — сказал он тихо, уже без той маски, которая была в лаборатории.

Артур достал небольшую ампулу, быстро ввёл препарат в его руку, и через несколько секунд дыхание Итана стало глубже.

Глаза открылись, и первая эмоция, которая в них появилась, была злость.

— Ты... — голос его сорвался, он попытался сесть ровнее, но движение вышло неуверенным.

— Что ты сделал?

Он оглянулся, надеясь увидеть что-то другое, другую реальность, в которой всё ещё можно изменить.

— Где они?

Вопрос прозвучал не как уточнение — как удар.

Артур выдержал этот взгляд.

— Там, — сказал он спокойно. — Пока там.

Итан резко отвернулся, провёл рукой по лицу.

— Я должен был остаться, — выдохнул он.

— Я должен был...

— Ты бы ничего не сделал, — перебил его Артур.

Итан повернулся к нему, и в этом движении было столько напряжения, что воздух в машине стал тяжелее.

— Я не собираюсь сидеть здесь и —

— Тогда слушай, — сказал Артур чуть тише, но именно эта тишина заставила слова прозвучать сильнее.

— Потому что, если ты сейчас будешь действовать на эмоциях, ты не спасёшь никого. Ни Эмму, ни Лили.

Этой паузы оказалось достаточно, чтобы смысл его слов дошёл до Итана.

Итан сжал челюсть, но не отвернулся.

— Нам нужен план, — продолжил Артур.

Итан молчал, но внутри него всё ещё кипело.

— Ты думаешь, я буду просто сидеть и ждать? — спросил он глухо.

— Нет, — ответил Артур. — Я думаю, ты сделаешь всё, чтобы их вытащить.

Он на секунду замолчал.

И затем добавил уже иначе — тише, глубже:

— Как и я.

За этой простой фразой стояло слишком многое.

Итан усмехнулся без злости - скорее, как человек, который не хочет верить, но уже не может игнорировать.

— Серьёзно? — выдохнул он.

Артур на секунду отвёл взгляд.

А потом снова посмотрел прямо.

— Я всё это время держал Эмму вне системы, — сказал он тише.

— Лгал. Задерживал данные. Скрывал результаты.

Пауза.

— Думаешь, зачем?

Итан не ответил.

Но и не отвернулся.

И в этом молчании уже было больше, чем в любом согласии.

— У нас мало времени, — продолжил Артур.

— Если мы ничего не сделаем сейчас... завтра их уже может не быть в том виде, в котором ты их знаешь.

Итан закрыл глаза на секунду, глубоко вдохнул.

И когда открыл их снова — в них уже была не только злость.

Там появилось решение.

— Тогда говори, — сказал он.

— Что мы будем делать?

Дверь палаты открылась настолько тихо, что звук почти не выделился из пространства.

Эмма ещё возвращалась к себе.

Сначала — свет. Потом — звуки. Тело — последним, тяжёлым и непослушным.

Она открыла глаза полностью и увидела его.

Фелипе стоял у изножья кушетки неподвижно, будто происходящее его не удивляло.

Он подошёл ближе не спеша и сел рядом.

Руки легли на колени, пальцы сцепились в привычном, спокойном жесте.

— Ты пришла в себя быстрее, чем я ожидал, — произнёс он.

Эмма смотрела на него, заставляя себя удерживать фокус, несмотря на тяжесть в голове и размытость восприятия, и злость внутри оказалась сильнее слабости, потому что именно она позволяла ей не провалиться обратно в беспомощность.

— Жаль, — выдохнула она, и голос прозвучал с хрипом, но в нём всё равно оставалась твёрдость.

— Я надеялась... не придётся вас больше видеть.

Он едва заметно усмехнулся, не обижаясь и даже не пытаясь скрыть лёгкого интереса к её реакции.

— Раз уж я, по вашим расчётам, либо не выйду отсюда, либо останусь здесь в роли материала, — продолжила она, собирая силы для каждого слова, — может, вы всё-таки объясните, что именно вы делаете.

Она смотрела прямо, не отводя взгляда, несмотря на слабость, несмотря на страх, который всё ещё жил внутри.

— Как вы переселяете души?

На секунду тишина в палате стала плотнее, а затем Фелипе тихо рассмеялся, не насмешливо, с оттенком усталого удивления, как человек, который услышал формулировку, далёкую от того, чем он на самом деле занимается.

— Души... — повторил он, качнув головой.

— Ты всё ещё пытаешься объяснить это через понятия, которые не имеют отношения к реальности.

— Мы не переселяем души, — сказал он спокойно. — Мы работаем с сознанием.

Он сделал короткую паузу, давая словам осесть, и продолжил уже более сосредоточенно, почти как преподаватель, объясняющий сложную, но логичную систему.

— Сначала происходит полное сканирование. Человека подключают к системе, и она считывает всё — не отдельные реакции, не поверхностные импульсы, а полную нейронную активность, структуру мышления, паттерны поведения. Это не мгновенный процесс, и в этот момент человек осознаёт, что с ним происходит.

Его взгляд оставался спокойным, даже чересчур спокойным.

— Затем создаётся цифровой слепок личности: привычки, страхи, эмоциональные реакции, привязанности, всё, что формирует индивидуальность.

Эмма слушала, чувствуя, как внутри растёт страх и понимание.

— После этого подбирается носитель, — продолжил он, и в его голосе появилась едва заметная жёсткость.

— Идеальные кандидаты — те, за кем легко наблюдать и о ком уже есть полная медицинская информация. Дети, студенты... люди, которые не вызывают подозрений.

Он посмотрел на неё чуть внимательнее.

— Вы подходите идеально.

Эти слова прозвучали почти буднично, и именно это делало их страшнее.

— И затем начинается финальный этап, перезапись, — сказал он тише.

— Исходное сознание не уничтожается сразу. Его ослабляют, подавляют, создают условия, при которых оно теряет устойчивость.

Он наклонился ближе, и его голос стал спокойным шёпотом, в котором не было сожалений.

— В мозг внедряется новая матрица, и в этот момент внутри одного человека оказываются две личности.

Короткая пауза.

— И дальше не происходит слияния.

Он посмотрел на неё прямо.

— Происходит борьба.

Слово прозвучало окончательно, без возможности его смягчить.

— Побеждает та, которая оказывается сильнее. Чаще - новая, потому что она понимает, за что борется, а исходная... - он на секунду замолчал, - не выдерживает давления.

— Но, — произнёс он чуть тише, — даже при всей точности системы... идеальный результат — редкость.

Он на мгновение отвёл взгляд.

— Мы говорим «сосуд» не случайно, — продолжил он, возвращая внимание к Эмме.

— Это не просто тело. Это определённый тип личности. Структура мышления, уровень гибкости, способность к адаптации. Люди, которые не ломаются сразу, но и не сопротивляются до конца.

Его губы чуть тронула усмешка.

— Баланс. Достаточно устойчивости, чтобы выдержать внедрение... и достаточно слабости, чтобы не удержать себя.

Эмма слушала, и в её взгляде уже не было только страха — в нём появлялось понимание, которое делало всё происходящее ещё тяжелее.

— Но даже при идеальном подборе, — продолжил он, — система даёт сбой.

Он выпрямился чуть сильнее, сцепив пальцы плотнее, и в этом жесте появилась едва заметная жёсткость.

— Некоторые сходят с ума. Не выдерживают двойной нагрузки. Личности начинают конфликтовать не по линии силы, а по линии хаоса... и тогда мы получаем не результат, а разрушение.

— Были случаи, когда они... смешивались.

Он произнёс это слово медленно, словно сам до конца не принимал его точность.

— Не одна личность и не другая. А нечто третье. Нестабильное. Такие экземпляры... не поддаются контролю.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Но ты, — сказал он, и в его голосе впервые прозвучал настоящий интерес,

— Не вписываешься ни в одну из этих категорий.

Тишина между ними стала плотнее.

— Матрица не закрепляется в тебе, — продолжил он.

— Она разрушается.

Он чуть наклонился вперёд.

— Сразу. На этапе внедрения.

— Это не сбой, — добавил он тихо.

— Это закономерность.

— И я хочу понять... что же в тебе такого.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было насмешки — только признание того, что перед ним стоит нечто, что не подчиняется его системе.

Эмма смотрела на него, чувствуя, как внутри, несмотря на слабость, поднимается что-то твёрдое, не дающее ей раствориться в его словах.

— А Итан? — спросила она тихо, но прямо.

Фелипе едва заметно изменился.

— Что именно? — уточнил он, и голос его стал чуть жёстче.

— Он ведь... закрепился, — сказала она, не отводя взгляда.

— Значит, для вас он идеальный результат?

Короткая пауза.

— Или просто удобный?

Это слово прозвучало точнее, чем она ожидала.

И попало. Фелипе сжал челюсть.

— Мануэль жив, — сказал он холоднее.

— Это уже больше, чем могло быть.

— Ценой чужой жизни, — ответила Эмма, и в её голосе появилась та самая тихая злость, которая не требует силы, чтобы быть услышанной.

Тишина стала резкой.

— Он не просил этого, — добавила она.

Этого оказалось достаточно для того, чтобы разрушить ту хрупкую видимость контроля, за которой он до этого так уверенно прятался.

Фелипе резко поднялся. Не вспльчиво, не хаотично — но с той утратой выверенной точности, которая выдавала его сильнее любых слов.

Казалось, что разговор, который ещё секунду назад находился в пределах допустимого для него сценария, внезапно вышел за границы, где он мог оставаться наблюдателем, и превратился в нечто, от чего он предпочёл отстраниться.

— Ты быстро делаешь выводы, — произнёс он, уже отворачиваясь.

Он направился к двери, и в каждом его шаге чувствовалось не желание уйти, а необходимость прекратить этот разговор до того, как он станет для него чем-то большим, чем просто очередной диалог в рамках эксперимента. У самого выхода он замер лишь на долю секунды.

— Это не эмоции решают, — добавил он тише, и в этих словах уже не было объяснения, только утверждение, за которое он держался, — а результат.

После этого он вышел. Эмма осталась одна и вместе с ней ожидание и знание.

Это было знание, после которого пути назад уже не существовало.

Глава 22.

Лили находилась в соседнем помещении от Эммы.
И это «соседнее» звучало почти ж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.